

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А.Ф. Филиппов

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО
В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

Препринт WP6/2004/05

Серия WP6

Гуманитарные исследования ИГИТИ

Москва
ГУ ВШЭ
2004

УДК 316.4
ББК 60.5
Ф53

А.Ф. Филиппов. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05.— М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 56 с.

Работа посвящена обоснованию нового исследовательского направления: теории социальных событий. Событие рассматривается как элемент социальности, обладающий мельчайшей, неделимой длительностью и совершающийся на далее неделимой области пространства (месте). Исследование понятия события позволяет по-новому поставить важные вопросы, касающиеся теоретической логики в социологии и смежных дисциплинах. Конструирование прошлого — одна из тем, равно интересных для социологии, истории и политической науки, — как раз и нуждается в таком исследовании по теоретической логике. В этой связи автором предлагаются новые понятия абсолютного события, конфигурации событий, логического устройства события и др.

УДК 316.4
ББК 60.5

Alexander F. Filippov. The Designing of the Past in the Communication Process. Working paper WP6/2004/05. — Moscow: State University — Higher School of Economics, 2004. — 56 p. (in Russian).

The paper aims at elaborating a new approach to events as basic elements of the social. With this paper the author starts a new large project “Theory of social events”. Events are meaningful units observed as occurrences in space and time. The intervals of time and pieces of space both are indivisible for an observer, therefore containing no smaller events. However the events are interrelated, they have logical construction, implying both a number of other possible events and a kind of inner heterogeneity. Event are framed in situations and figurations, they can have a relativist and an absolute character for the observer and/or participants in social life. One kind of the logical implications they have is the past that must have been for an event to occur. This is the logical structure of the argument proposed here.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта “Репрезентация прошлого как социоинтегративный фактор” (грант № 03-01-00016а).

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://www.hse.ru/science/preprint/>

© Филиппов А.Ф., 2004
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Прошлое является социальным конструктором. Это утверждение может считаться чуть ли не общим местом современных социальных наук и не нуждается в подробных обоснованиях. Природа таких утверждений очевидна: с точки зрения социальной науки, всякий социологически *значимый* факт обретает свое *значение* в обществе и благодаря обществу. Даже если его собственная природа признается самостоятельной, от общества независимой, в социальном контексте она модифицируется, ей приписывается социальный смысл, *конструируемый* подобно всякому социальному смыслу. В сжатой форме аргументацию, относящуюся к сконструированности прошлого, можно было бы представить следующим образом:

Если

- мы имеем дело с событиями, о которых совершаем осмысленные высказывания;
- событие, о котором совершается осмысленное высказывание, коррелятивно наблюдателю;
- невозможно обнаружить или, по меньшей мере, операционально, т.е. принятым в той или иной науке способом, зафиксировать абсолютного наблюдателя, наблюдениям которого было бы коррелятивно все множество фактических событий,
то
- количественно ограниченные совокупности событий квалифицируются как прошлые события *одним* или *несколькими* из возможных наблюдателей, т.е. прошлые события коррелятивны наблюдателю, не тождественному ни абсолютному наблюдателю, ни целокупности наблюдателей.
Однако, при этом
- единственный наблюдатель является фикцией, ибо эмпирически не только легко фиксируется его принадлежность к более или менее внятно очерченному сообществу наблюдателей, но и
- понятие «осмысленного высказывания» предполагает, по меньшей мере, речевое сообщество, в котором любое высказывание, будь то реально произнесенное или в принципе возможное, идентифицируется как осмысленное.

Таким образом,

- именно в сообществе наблюдателей — явном или менее явном — ряд событий квалифицируется как события, совершившиеся в прошлом;
- в свою очередь, сообщество наблюдателей возможно только как *социальное* образование;
- социальное образование можно последовательно мыслить как совокупность актуальных и потенциальных взаимодействий;
- социальные взаимодействия можно рассматривать как коммуникации;
- следовательно, отбор и квалификация событий происходят в коммуникативном сообществе; участники коммуникации воздействуют и ориентируются друг на друга: как непосредственно, так и через посредников коммуникации, будь то информационные носители или символические системы.
- Социальная жизнь представляет собой процессы коммуникации; устойчивые смыслы, образцы поведения и восприятия; культурные символы суть результаты, порожденные этим процессом и структурирующие этот процесс.
- Поэтому ряды событий, отобранные и квалифицированные в качестве прошлого, суть прошлое, сконструированное в процессе коммуникации и отложившееся в устойчивые составляющие социального взаимодействия.

Однако, такой аргумент, даже будучи развернут более подробно, вряд ли может считаться вполне удовлетворительным. По меньшей мере, несколько вопросов заслуживают более тщательного исследования. Во-первых, требуется выяснить, какова природа *события*, тематизируемого наблюдателем. Во-вторых, необходимо более тщательно разобраться в том, что значит «идентифицировать событие как прошлое». Наконец, в-третьих, отсюда следует необходимость поставить еще один, быть может, самый сложный вопрос: если события коррелятивны наблюдениям, то что связывает их между собой, помимо взаимосвязи актов наблюдения? Можем ли мы говорить о прошлом как о процессе, а не просто как о событии? И если прошлое для нас самоочевидным образом есть процесс, то как быть с коррелятивностью события и наблюдения? А если под вопрос будет поставлена эта коррелятивность, то много ли мы удержим от представленного выше аргумента и удастся ли нам сохранить как общее место не требующее доказательств утверждение: *Прошлое есть социальный конструкт?*

СОБЫТИЕ

Определение. Событием будет называться смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдению единство. В этот смысловой комплекс входит *свершение в пространстве и времени*. Событие идентифицируется наблюдателем как нечто *совершающееся* (т.е. происходящее) и *свершающееся* (т.е. имеющее внятную для наблюдателя завершенность, позволяющую отделять его от прочих событий). Единству времени, в течение которого событие сохраняет свою тождественность (момент совершения события), соответствует единство пространства (место совершения события). Как время, так и пространство события идентифицируются в некоторой системе координат или в рамках взаимосвязанной совокупности однородных моментов и мест.

Пояснение. Концепции события весьма многообразны. Даже краткий их обзор был бы здесь невозможен. Концептуализация события в рамках различных философских подходов представляет известные сложности для сравнения и выбора в пользу одного из них. Тем более сомнительно, что выбор между одним из философских и одним из математических, одним из философских и одним из социологических подходов может быть обоснован с некоторой универсальной точки зрения. Наше определение является дисциплинарно нейтральным, носит сугубо операциональный характер, т.е. предназначено только для использования в рамках предлагаемых рассуждений. Вместе с тем, в силу нейтральности, оно может оказаться совместимым с весьма разными подходами, что само по себе не говорит ни *за*, ни *против* него, но позволяет, в случае необходимости, привлекать для его разработки ресурсы самых разных дисциплин и подходов.

Акцент в этой формулировке сделан на *элементарном характере* события. Иначе говоря, событие не есть непременно нечто значительное или запоминающееся (как это можно предположить по высказываниям типа «*X* явилось историческим событием», «*Y* не было историческим событием»). Событие не есть также нечто непременно относящееся к области «неодушевленной природы», в противоположность «интенциональным действиям». Главное в событии — его моментальность и, в силу моментальности, неразложимость, т.е. элементарность. Моментальность может означать неразложимое единство времени события. Элементарность может означать далее неразложимую определенность события, т.е. отсутствие у него частей, однородных ему, как во времени, так и в пространстве.

Понятие элемента не тождественно понятию части. Часть соотносительна с целым, может быть уменьшенным целым, т.е. содержать в себе части. Элемент принципиально неразложим и соотносится не с целым, но с системой, структурой, процессом. Анализ элемента мог бы показать его составляющие, но в системе, структуре или процессе он неразложим и не поддается анализу. Иначе говоря, аналитика элемента предполагает смену модуса внимания, при этом теряется из виду тот контекст, который только и представлял интерес при описании элементного состава релевантных объектов наблюдения. Элемент соответствует элементарному акту аналитического наблюдения. Поэтому элемент не имеет меньших, однородных ему частей¹. Наблюдению может также соответствовать «переживание целостности». В этом последнем случае целое не членится на части, но не является элементом. Целое не членится на части, поскольку наблюдаемое релевантно как таковое, безотносительно к внешним и внутренним взаимосвязям. Элемент не членится на части, поскольку он релевантен безотносительно к внутренним связям, но не безотносительно к внешним. Элемент — это элемент в системе, структуре или процессе. Элементарному акту наблюдения соответствует элементарное событие; и то, и другое неразложимы, но, кроме того, и то, и другое встроены в нечто более обширное, не переживаемое как неразложимая целостность. Это «более обширное» может быть названо системой, структурой или процессом, во всяком случае, чем-то, что можно аналитически разять не просто на далее делимые части, но именно на неразложимые элементы. Есть, однако, особая категория событий, которые можно назвать *абсолютными событиями*² (речь о них пойдет ниже). Абсолютные события соединяют в себе несколько противоречивых определений, и по отношению к ним различие интуиции целого и наблюдения события должно быть проведено иначе.

Элементарность события во временном аспекте связана с его моментальным характером. Событие нельзя разложить на составляющие, потому что оно прошло, состоялось. Уже одно то, что мы способны его фиксировать, говорит об этом завершении. Напротив, меняющееся, не завершен-

¹ При этом он может быть весьма сложным. Говоря об элементах социальной реальности И.М. Савельева и А.В. Полетаев используют парадоксальную формулу: «Сложность первичного элемента (неделимость)». Получается, что «неделимость» поясняет или уточняет «сложность». К сожалению, дальше в этом смысле формула авторами не расшифровывается. См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. Конституирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. С. 275.

² Еще точнее, это абсолютные события первого рода, в предложенных нами ниже терминах.

ное мы готовы разлагать на моментальные события. Тем самым отношение к событию отличается от отношения к вещи и от отношения к процессу. Процессы могут состоять из *последовательности* событий. Вещь по своему смыслу является единством, *синтезирующим многообразные события наблюдения*³, однако, это последнее обстоятельство обнаруживается не само по себе, не в силу «наивного» созерцания, но лишь благодаря аналитической работе, разлагающей самоочевидное единство «вещи»⁴.

Именно здесь возникает проблема пространственного и временного единства события. Если мы сосредоточиваемся на элементарном событии наблюдения не в силу непреодолимого *пуантилизма* созерцания, но только в силу перемены модуса внимания, то именно самоочевидность того *тождественного*, которое разлагается нашим анализом, придает определенный смысл корреляту события наблюдения. Поэтому странно было бы, например, предполагать, что *единству вещи*, которая идентифицирована нами как пространственная вещь, не будет соответствовать в нашей аналитике событие наблюдения некоторого *аспекта пространства*.

³ См. у Гуссерля: «Созерцающая индивидуальную вещь, следуя в созерцании ее движениям, ее приближениям и удалениям, ее поворотам и разворотам, ее изменениям формы и качества, ее каузальным способам поведения, мы *совершаем* постоянство созерцания, то так, то этак совпадая [с нею], заключая себя в сознание единства: взгляд направлен при этом на тождественное, на X смысла... на одно и то же, что меняет *себя*, поворачивается и т.д.» (Husserl E. Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phanomenologischen Philosophie. Allgemeine Einführung in die reine Phanomenologie. 5. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 313. Ср. также в русском переводе А.В. Михайлова: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом Интеллектуальной книги, 1999. С. 323).

⁴ Противоположным образом это представлено в «метафизике события» Л.Б. Ломбарда. См.: Lombard L.B. Events: A Metaphysical Study. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. Мы пользуемся сокращенным изложением в статье: Lombard L. B. Sooner or Later // NOUS. 1995. Vol. 29. N 3. P. 343—359. «Событие есть альтерация; оно... есть изменение: сначала вещь имела одно свойство, затем другое, противоположное. Хотя никакая вещь не может иметь свойство и в то же время иметь одно из противоположных ему в одно и то же время, ни одно событие не происходит моментально; всякое событие имеет некоторый интервал времени своего появления» (Ibid. P. 343). Это неудовлетворительная позиция. Даже если мы исключим действия из разряда событий (в самом деле, какая вещь изменила свойства на противоположные в случае события «Капитан крикнул “проклятие!”»?), это не поможет нам для описания события «камень упал с крыши». Если сначала одним из свойств камня было «лежать на крыше», затем «падать с крыши» и, наконец, «лежать на земле», то все эти три противоположные свойства никак не помогают нам для констатации единого события «камень упал с крыши», поскольку в этом «упал» содержится указание не на одно, а на все три, причем находившиеся в некоторой последовательности, понимаемой как единство. Впрочем, в работе Ломбарда присутствуют также правильные положения. К ним относится, в частности, утверждение об *интервале* события, хотя интерпретировано оно должно быть иначе, чем предлагает автор.

Точно так же и временная последовательность может быть разложена на мельчайшие *длительности*, которые, сколь бы далеко мы ни зашли в своей аналитике, никогда не потеряют характер *интервала*. Что касается пространства, то мы можем говорить о *месте* события. Некоторые разъяснения этого понятия будут даны ниже. Но как выделить интервал? Если мы по-прежнему будем утверждать моментальный характер события, то столкнемся с известной проблемой: может ли быть составлена последовательность (т.е. длительность) из отдельных моментов, *длительности не имеющих* (соответственно, как может прямая быть составлена из точек, не имеющих протяжения)? Разумеется, эта проблема некоторым образом решается в математике. Однако, это достигается лишь за счет того, что в математике мы выходим за пределы созерцания. Этот путь в данном случае для нас закрыт, потому что предложенная аналитика отталкивается от созерцания, но не покидает его, а только проясняет. Следовательно, мы должны исходить из того, *что* может быть мыслимо как последнее элементарное единство созерцания. Эмпирическим образом этот вопрос относится к психологии. В свою очередь, логическое исследование, казалось бы, может удовлетвориться констатацией того тривиального факта, что некий интервал предполагается самой процедурой мысленного расчленения длительности. Но эта констатация не плодотворна и, возможно, не совсем правильна. Она не плодотворна потому, что предлагает избежать теоретических трудностей за счет переопределения понятий. Она не совсем правильна потому, что пределом возможного членения для описанных нами операций является не мгновение, но мельчайшая различимая длительность.

Длительность и моментальность. Напомним, что мы указали на моментальность события в связи с его элементарностью. Теперь мы говорим о том, что не мгновение, но некоторая длительность является пределом членения. Можно ли совместить эти утверждения или правильным является только одно из них? Этот вопрос заслуживает пусть краткого, но специального рассмотрения. Будем исходить из того, что нам нет нужды интерпретировать мгновение как интервал, потому что в созерцании мы имеем дело *только* с длительностями и интервалами. Несмотря на то, что это утверждение, в свою очередь, может показаться подводящим нас к исследованию различительных способностей, характер его чисто логический. Иначе говоря, вопрос ставится не так: «Какой мельчайший интервал (объективно measurable приборами) способен различить человек?» Вопрос ставится так: «Какой мельчайший интервал мы выделяем как время элементарного события?»

Иллюстрация:

Предположим, что мы присутствуем в зале судебного заседания. Один из участников процесса рассказывает о событии, описывая его следующим образом:

Свидетель Б: В 16.15 *X* сказал, что в комнате душно и открыл окно.

Прокурор: Вы утверждаете, что видели это своими глазами?

Свидетель Б: Да, утверждаю.

Прокурор: Однако свидетель *B* на следствии показал, что в 16.15 вы разговаривали с ним, сидя спиной к *X*. Он запомнил время, потому что напольные часы у вас за спиной пробили четверть пятого.

Свидетель Б: Но я хорошо слышал и бой часов, и голос *X*. Я слышал звук отодвигаемого кресла, а потом, когда потянуло холодом, обернулся и увидел *X* у окна.

Прокурор: И все-таки вы не видели многого. Будете ли вы впредь утверждать, что видели, как *X* (1) отодвинул кресло, (2) встал, (3) проделал путь к окну, (4) откинул щеколду и (5) взялся рукой за раму? И, если только неведомая сила не транспортировала *X* к окну *моментально*, будете ли вы и впредь утверждать, что он *открыл окно* в 16.15, хотя ему, по всем подсчетам, потребовалось не менее двух минут, чтобы выполнить все эти действия?

Свидетель Б: Этого я утверждать не могу.

Мы видим, как меняется ретроспектива наблюдателя. То, что он считал одним событием, с иной точки зрения распадается на целый ряд событий. Но что было бы, если бы допросу нашего *Прокурора* был подвергнут упомянутый свидетель *B*? Он рассказал бы то же самое, и *Прокурору* не удалось бы его смутить. Тем не менее, и этому свидетелю пришлось бы признать, что *X* открыл окно не одновременно с боем часов, а через несколько минут после совершения ряда действий, перечисленных выше. Таким образом, он тоже мог бы обнаружить несколько событий, описанных первоначально как одно. Однако, мы вряд ли станем рассчитывать на полное единодушие *Свидетелей* и *Прокурора*, если только последний не сумеет доказать важность различения событий для исхода процесса. И тем более, мы вряд ли станем ожидать согласия наблюдателей, если им будет предложено описывать событие «подошел к окну» в терминах, предполагающих еще более дробное описание, скажем, «поднял левую ногу и перенес ее, примерно, на полметра вперед». Вряд ли кто-то из них (при благоприятных условиях) не мог бы различить такое событие в силу ограничений, налагаемых физиологией или психологией восприятия, но кто обра-

тит на него внимание? Иначе говоря, будучи, в принципе, вполне различимым, это явление *не есть событие*⁵.

Вернемся теперь к нашему вопросу: какой мельчайший интервал мы выделяем в качестве временной протяженности элементарного события? Наша иллюстрация согласуется с определением события, данным в начале этого раздела: событие есть смысловое единство, а не коррелят различительной способности. Мгновение не просто интерпретируется как интервал. Напротив, длительность квалифицируется как мгновение, и лишь затем, на следующем круге рассуждения, изначальная продолжительность того, что в интерпретации было сжато до качества мгновения, вновь обнаружило свою протяженность. Однако, оборотной стороной такого подхода становится потеря главного квалифицирующего признака моментальности как предельной сжатости. Можем ли мы теперь сказать, что событие есть смысловое единство, *элементарное безотносительно* к объективно (т.е. не заинтересованно применительно к смысловому содержанию) измеряемой длительности? Эта решительная позиция напрашивается сама собой. Но какие следствия она влечет?

Событие во временных рядах. Временной характер события предполагает различие «прежде» и «после». Событие происходит, собственно, в интервале между «событием-прежде» и «событием-после», которые не могут принадлежать длительности события, потому что оно, по определению, не включает иные события. Однако, будучи не мгновенным, но длительным⁶, оно предполагает возможность различия «прежде» и «после» в нем самом. Обратимся к примеру, приведенному нами выше (см. сноску 4). Камень упал с крыши. До падения он лежал на крыше. После падения лежит на земле. Событие «упал с крыши» предполагает не только ограниченное

⁵ Конечно, и здесь вопрос можно было бы поставить так: пусть оно различимо в принципе, но было ли оно различимо тогда, когда не то что движения ног, но вообще перемещения участников были для *Свидетелей* не в центре, но на периферии внимания? Мы фиксируем этот вопрос, но оставляем его за пределами нашего рассмотрения, потому что в контексте нашего изложения он не имеет принципиального значения.

⁶ Можно было бы сказать, что событие есть *временной объект* в том смысле, в каком об этом говорил Гуссерль. См. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. В.И. Молчанова. М.: РИГ «Логос», 1994. С. 25 (§ 7: 30): «Под временными объектами в данном контексте мы понимаем объекты, которые не только представляют собой единства во времени, но содержат также в себе временное протяжение». Однако все следствия такого утверждения мы вынуждены выносить за скобки последующих рассуждений, поскольку идентификация коррелята наблюдения не только в качестве события, но и в качестве объекта несет на себе слишком большую нагрузку.

время падения, нахождения без опоры в воздухе (такое описание падения годилось бы для события «падал»). Оно предполагает начало: мгновение пребывания на крыше перед началом падения и мгновение пребывания на земле, когда падение завершилось. И вместе с тем, пребывание на крыше, безотносительно к сразу вслед за тем начинающемуся падению, равно как и пребывание на земле, безотносительно к только что завершившемуся, это «прежде» и «после», не относящиеся к событию. Поэтому «упал» означает сложную пространственно-временную взаимосвязь. Событие имеет парадоксальный характер. Оно не может не иметь длительности, но его длительность не рассматривается как полноценная временная протяженность, пока нас интересует именно элементарный характер того, что мы вычленим. Значит, одно только определение места как пребывания, мгновения как интервала и моментальности как продолжительности не решает проблемы.

Это хорошо понимал Георг Зиммель. В докладе «Проблема исторического времени»⁷ он говорил: «То, что событие, значимое для нас как предельный познаваемый исторический элемент (т.е. части его не обнаруживают для нас содержательно детерминированного «прежде» и «после» и не заменяются в этом смысле переплетением с иными, чуждыми ему рядами), — что такое событие имеет временное протяжение, исторически совершенно безразлично, ибо продолжительность, которая не важна, все равно, какой она величины, практически не есть продолжительность. Такое событие есть исторический атом, а значение именно исторического оно обретает исключительно в силу того, что... является более поздним, чем другое, и более ранним, нежели третье»⁸. С этой точки зрения, моменты, вычленимые в падении камня, не являются моментами исторической последовательности, но выступают для нас как моменты логической связи: чтобы камень упал, он сначала должен находиться сверху, потом собственно падать и, наконец, оказаться внизу. И эта логическая связь будет одной и той же, независимо от того, упал ли камень 25 декабря 1977 г. с крыши дома № 17 по улице Строителей в Москве или когда-то или где-то еще. Поэтому не только краткие мгновения, но и сколь угодно продолжительные явления (вроде

⁷ См. Зиммель Г. Проблема исторического времени / Пер. А.М. Руткевича // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 517—529. Далее цитируется по изданию: Simmel G. Das Problem der historischen Zeit // Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 15 / Hrsgg. v. U. Kosser, H.-M. Kruckis u. O. Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. S. 287—304.

⁸ Simmel G. Op. cit. S. 297.

Семилетней войны), могут рассматриваться в качестве события. Смещение же интереса приводит к тому, что событие рассматривается уже не в качестве элементарного, а с точки зрения того, какие события его составили. Эти события, в свою очередь, могут быть также далее расчленены. До какого предела? Так или иначе, «распадение явления на элементы, в качестве суммы которых оно должно затем пониматься, на определенной ступени измельчения снимает самое индивидуальность явления. ...Соответственно, можно говорить о пороге измельчения»⁹.

Распространим рассуждения об *историческом* времени на общую проблематику события. Зиммель предполагает, что порог измельчения — не минимальная длительность, но минимальная историческая индивидуальность событий. Объективно (не заинтересованно) замеряемая длительность не значима. Поэтому «исторический атом» «практически» не имеет продолжительности. Заменяем «исторический» на «социальный». Характеристика события как смыслового единства может быть конкретизирована, если определяющим для события считать его социальную индивидуальность, т.е. сразу акцентировать не однократность появления, но специфику его содержания. Однако тем самым проблема мгновения и интервала отнюдь не будет снята. Может ли событие, не будучи индивидуальным, быть элементарным? Иначе говоря, что именно является индивидуальностью как порогом измельчения? Если специфика любого события как события состоит в его однократности, то это можно назвать количественной характеристикой индивидуальности. Однако, именно это количество, квант-событие, по соображениям логическим, могло бы члениться все дальше, если бы у события не было значимого для наблюдателя качества («что» события). В свою очередь, именно *историческая* индивидуальность события связана с его *временной* определенностью. Событие произошло *в такой-то* момент времени, и это обстоятельство может быть значимо для наблюдателя. Момент фиксируется как время данного события: *в такой-то* момент времени произошло *именно это* событие. «То же самое» событие, совершившееся в иной момент, не является «тем же самым». Оно — другое, потому что произошло «в другое время». Другое время является «другим», потому что в другое время произошли другие события.

⁹ Ibid. S. 302, 303. См. о «пороге измельчения» (со ссылкой на соответствующее место у Зиммеля): Koselleck R. Die vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1979. S. 145.

Конфигурации событий. Эта логика не вполне удовлетворительна. Она внушает представление о времени как едином непрерывном потоке, разделенном на некие объемы разной величины, каждый из которых вмещает только одно событие. Какой бы концепции времени мы ни придерживались, такая трактовка вряд ли приемлема. Но если мы отказываемся от этой трактовки, необходимость привязать событие к определенному моменту времени оказывается сомнительной. Если бы в каждое мгновение могло произойти только одно событие, индивидуальность момента, за которым следует другой момент, сообщила бы событию, совершившемуся «в это время». Если бы индивидуальность момента сообщила множеству событий, она не была бы их *differentia specifica*, и, следовательно, то обстоятельство, что событие вообще произошло «в какое-то время», было бы нерелевантным.

Это обстоятельство точно описывает Зиммель, который сопрягает воедино две проблемы: безразличие к длительности и определенному историческому моменту, с одной стороны, и необходимость рассматривать историческое событие в аспекте его внутренней временной неоднородности, — с другой. Сильные и слабые стороны этой позиции хорошо видны в следующем рассуждении:

...Понимание часто включает в себя именно временные отношения, например, если его предметом является причинение одним явлением другого [как следствия]. Тогда именно группа этих явлений образует понимаемое единство, временное отношение как, по своему порядку и длительности, необходимое. Само оно теперь является содержанием, востребующим понимания; однако, это понимание, ориентированное на соотношение определенных элементов, явным образом совершенно не зависит от того, где, на каком месте нашей шкалы времени находится вся группа. Ибо понимается она не потому, что находится на определенном месте, а потому что взаимно обуславливаются ее содержания. Это имманентное время понимаемой группы фактов есть не историческое время, оно сродни времени, измерение которого важно в рамках естественнонаучного эксперимента и которое не имеет ничего общего с календарной датой проведения эксперимента¹⁰.

Напротив, рассуждение о том, что пределом членения является релевантная индивидуальность события, наводит на мысль, что неоднородным событиям соответствует неоднородность членений времени их совершения. Простое рассуждение, что «в одно время» могло совершиться изряд-

¹⁰ Simmel G. Op. cit. S. 290 f.

ное множество событий, находит свое продолжение в том, что какие-то из них, собственно, начались «несколько раньше» и/или «завершились несколько позже» определенного события. Это не мешает, с определенной точки зрения, помещать их «в одно время». Но сочетание разнородного в некотором временном интервале, который мы, с позиции заинтересованного наблюдения (например, в интересах хронологии), можем объявить «одним» или «тем же самым» временем, окончательно лишит нас операционального инструментария, пригодного для внятного описания событий.

Таким образом, необходима более строгая логика рассуждений. Она возможна только при отказе от принципа индивидуальности события как *основного* аспекта описаний. Элементарность может быть фиксирована у повторяющихся событий, а уникальность преходящего момента сама по себе не переносится на смысловые характеристики события. Напротив, в духе философии А.Н. Уайтхеда, мы могли бы утверждать, что событие составляет перспективу, в которой рассматривается течение времени. В перспективе события время оказывается *вне его*, т.е. *вне* события *суть* события:

α) одновременные;

β) предшествующие;

γ) (возможные) последующие.

Если мы рассматриваем событие в ретроспективе, последующие события частично (в той части, в какой они следуют за прошлыми событиями, но предшествуют наблюдению) теряют статус возможных. При этом «настоящее» наблюдения, в свою очередь, есть событие, до которого простираются прошлые будущие события того события, которое совершилось в *предпрошедшем* (*plusquamperfectum*), причем в этом модуле оно находится в совокупности с предшествующими ему событиями¹¹.

¹¹ Вся проблематика, связанная, с различением А-рядов и В-рядов МакТаггарта, не имеет значения, пока за точку отсчета берется не проблематизируемое *наблюдение в настоящем*. Поскольку определения МакТаггарта широко известны, как правило, в пересказе, мы считаем уместным их процитировать: «Позиции во времени, каким оно является нам *prima facie*, различаются двумя способами. Каждая из них раньше, чем какая-то из других позиций, и позже, чем какая-то из других позиций. И каждая позиция — либо прошлое, либо настоящее, либо будущее. Позиции первого рода перманентны, второго — нет. Если М когда-либо раньше N, то это всегда так. Но событие, которое сейчас настоящее, было будущим и будет прошлым. Для краткости я буду называть ряды позиций, идущих из далекого прошлого через недавнее прошлое к настоящему, а затем из настоящего через ближайшее будущее в далекое будущее, А-рядами. Ряды позиций, идущих от более раннего к более позднему, я буду называть В-рядами»

Разумеется, здесь Зиммель совершенно прав: такой исторический атом не имеет внутренней длительности. Она обнаруживается лишь при смене перспектив. Однако, неправильно предполагать, что смена перспектив может быть только одного рода: либо в сторону последовательного измельчения, либо в сторону последовательного укрупнения. На самом же деле вопрос стоит иначе. Если мы используем не совсем корректную, но эвристически ценную аналогию с геометрическими фигурами, то можно сказать, что наша задача состоит совсем не в том, чтобы вписывать один в другой концентрические круги все меньшего или все большего диаметра, ожидая, пока по одну сторону окружность не превратится в точку, а по другую — в бесконечную прямую. Задача состоит в том, чтобы вписать пирамиду в куб, вписанный в усеченный конус, вписанный снова в пирамиду, вписанную в шар. Причем размеры всех фигур таковы, что они заведомо «не влезают» друг в друга (хотя все вместе помещаются в большой куб, неизвестно где находящийся). Затмение солнца и расцвет поэзии Архилоха в популярной хронологии¹² приходится на один год. Но затмение солнца продолжалось несколько минут, расцвет поэзии вряд ли мог фиксировать наблюдатель в течение одного дня. Умножение примеров такого рода не добавит им убедительности.

(McTaggart J. E. The Unreality of Time // Mind. New Series. Vol. 17. No 68 (Oct. 1908). P. 458). По отношению к каждому данному наблюдению свершившиеся события будут всегда иметь статус прошлого, а предстоящие — будущего (В-ряд МакТаггарта), и в этой связи не важно, что само наблюдение имеет характер временного события. (О наблюдении как событии во времени см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 91). Рассматривая акт наблюдения как событие, мы располагаем его на шкале времени, в А-ряде, где будущее становится настоящим, затем недавним и, наконец, давним прошлым. Однако, для целей данного изложения это пока безразлично, тем более, что не только предложения относительно А-рядов могут быть интерпретированы как высказывания относительно В-рядов, но и события будущего могут быть не предстоящими, но предвосхищаемыми, т.е. ожидаемыми. Ожидания могут быть разочарованы, причем именно разочарование ожидания может быть интерпретировано наблюдателем как событие. Иначе говоря, в этой части важные различия темпоральной логики становятся не релевантными. Для дальнейшего изложения может быть важной критика МакТаггарта А. Прайором. Прайор утверждает, что МакТаггарт создает мнимые проблемы, пытаясь интерпретировать А-ряд как В-ряд. См.: Прайор А.Н. Предтечи временной логики // Логос. 2000. № 2 (23). С. 98—112. На самом деле, если принять, что прошлое-настоящее-будущее всегда могут быть релятивированы, т.е. интерпретированы как раньше-позже относительно события наблюдения, которое, в свою очередь, тоже может быть интерпретировано не применительно к абсолютной хронологии, а применительно к различению «раньше-позже» с точки зрения некоторого третьего наблюдения, и т.д., то нет оснований ни для недоразумений МакТаггарта, ни для критики его Прайором.

¹² «Затмение солнца. Расцвет поэзии Архилоха» (мы цитируем энциклопедическую хронологию — http://hronos.km.ru/_400.html, — а также известное стихотворение Олега Чухонцева).

Именно поэтому социолога может соблазнить понятие *ситуации*. «...Очевидно, — пишет И. Гофман, — что в большинстве “ситуаций” одновременно происходят разные события, которые начались в разные моменты времени и могут завершиться так же асинхронно»¹³. Однако, в таком случае событие явно перестает быть квантом наблюдения. Иначе говоря, при декларируемой элементарности события, интерес к нему должен быть меньше, чем к *способам* сочетания взаимонезависимых событий. Сформулируем еще раз по-другому: в таком изложении события сами по себе не связаны между собой, они охватываются рамкой (фреймом) наблюдения и/или социальной ситуации, образуя социальные конфигурации (или, если использовать термин Н. Элиаса, «фигурации») подобно стеклышкам в калейдоскопе¹⁴.

Хронология и взаимное прилегание событий. Эта позиция не является единственно возможной. Понятие события как элемента — более богатый ресурс, и он использован здесь недостаточно. Чтобы продвинуться дальше, необходим тонкий анализ. Прежде всего, следует зафиксировать характер и основной источник трудностей, которые могут возникнуть при тщательной разработке этой темы. Поставим вопрос следующим образом: если наблюдатель фиксирует событие, важность которого состоит в его уникальности, и если уникальность события мы, как показано выше, не возводим к уникальности данного момента времени, то может ли, напротив, качественная уникальность события сообщить неповторимость моменту времени? С одной стороны, каждый момент уникален именно потому, что он раньше одного и позже другого момента. С другой стороны, то обстоятельство, что именно в 12.34.18 по московскому времени 25 декабря 1977 г. с крыши дома № 17 по улице Строителей в Москве упал камень (событие, интересное для следствия о причинах гибели гражданина N), делает данный момент времени единственно интересным для наблюдателя.

¹³ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / Пер. А.Д. Ковалева и др. / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: ИС РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 69.

¹⁴ В «Логике смысла» Ж. Делеза мы находим в некотором роде сходный пространственный образ: «событие-эффект», как называет его Делез, ссылаясь на стоиков, эпикурейцев, а затем и Льюиса Кэрролла, есть эффект именно *поверхностный*. Оно пространственно, но не телесно, лишено глубины. Мы могли бы сказать, что событие состоит в том, что *сложился* такой рисунок. Ср.: Делез Ж. Логика смысла / Пер. Я.И. Свирского // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Раритет, 1998. С. 16—28. Рисунок событий можно было бы обозначить термином «*фигурация*», заимствованным из социологической теории Норберта Элиаса.

Значит ли это, что последовавшие за 12.34.18 моменты (12.35.00, 12.35.51, 13.14.03 и т.д.) не представляют никакой важности? Вполне может быть, что как раз представляют. Они представляют важность в перспективе указанного события в том и только том случае, когда наблюдателю важно фиксировать его в некоторой универсальной хронологии. Но если они все-таки *не* представляют, с этой точки зрения, никакой важности? Попробуем мысленно изъять из течения времени все, что не важно для определения того момента, когда камень упал с крыши не просто на землю, но на голову несчастного гражданина N. — Не получится! — Высказывание «день был без числа» свидетельствует о неправильной работе ума, если принята универсальная хронология. Эту необходимость непрерывной хронологии мы легко отличаем, однако, от момента или моментов времени, важных для данного случая. Независимо от того, ограничиваемся ли мы в наших разысканиях прошлого, предшествующего падению камня, временем, когда только появился дом № 17, или временем, когда на его крыше появились камень, или только тем временем, когда камень уже начал движение по крыше.

Хронологию важных событий, связанных с падением камня, мы размещаем в объемлющей хронологии, которая не важна для данного события, но важна для частной хронологии, которая важна для размещения важного для нас события. Характер этой хронологии может быть очень разным. Однако, подобно тому, как в концепции пространства мы придерживаемся различения ближайшего пространства, пространства обзримых перемещений и общей идеи (объемлющего) пространства¹⁵, так применительно к концепции времени мы можем различать время события, время релевантных для хронологической локализации события моментов времени и связанных с ними событий и общую хронологию, в которую включена эта ограниченная хронология.

История представлений о времени, подобно истории представлений о пространстве, не дает оснований предполагать, что за любой идентификацией события во времени *в конечном счете* стоит объемлющая универсальная хронология. Напротив, та же история дает нам все основания полагать, что, *как правило*, зафиксировать событие во времени наблюдатель может лишь при помощи некоторой частной, ограниченной хронологии, т.е. хронологии, так или иначе важной применительно к данному событию.

¹⁵ См.: Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. Гл. 1.

тию, в том числе и тогда, когда за этой хронологией не стоит никаких, даже самых несовершенных представлений о течении времени.

Но если мы сосредоточим внимание на том обстоятельстве, что уникальное событие важно для нас как *элементарное* событие, момент времени, в который оно произошло, получает особый акцент в контексте *любых* хронологий. Это уникальное время уникального события, однако, оно включено в хронологию, предполагающую как бы *пустые места* для событий. Событий, однородных уникальному, не может быть, потому что оно уникально. Значит, в другое время (до и после уникального события) время *пусто*, не заполнено такими же событиями, даже если оно наполнено событиями иного ранга. Значит ли это, что уникальное событие не может войти в состав фигураций? Во всяком случае, этот вопрос нуждается в дополнительном прояснении. Чисто логически можно заключить, что уникальное событие «прилегает» к иным событиям в той мере, в какой оно не уникально, но однородно им. Соответственно, и время его совершения имеет как уникальные характеристики, так и позицию в объемлющей хронологии. Конечно, «прилегание» событий иного ранга к уникальному событию было бы легко объяснить с точки зрения универсальной хронологии, в которой время представляло бы собой лишь емкость, безразличную к наполнению любыми событиями. Но стоит нам согласиться с тем, что само событие сообщает ранг и уникальность моменту своего свершения, как проблема совмещения моментов времени событий иной природы и другого ранга с моментом уникального события становится вполне очевидной именно в силу их разнородности.

Эту проблему легко обнаружить, например, в мифологии сакральных событий и сакральных мест. Так, трудно поставить вопрос о том, что было *до* начала священной истории. Столь же труден вопрос, могла ли она завершиться и в каком вообще отношении находится к профанной хронологии, если таковая, в отличие от сакральной, имеется¹⁶. Сакральное собы-

¹⁶ Ниже мы кратко рассмотрим эту проблему применительно к понятию абсолютного события. Внятный пример суждения о пространственно-временной неодолимости сакрального события профанной географией и профанным течением времени мы находим в следующем средневековом тексте: «Насадил Бог рай на востоке, а на западе — муки приготовил, подобно тому, как внутри царского двора — радость и веселие, а вне двора — темница...

К тому же, брат, не дано Богом видеть людям святой рай, а муки — и теперь находятся на западе. Многие из детей моих духовных, новгородцев, видели это на Дышащем море: червь неусыпающий, и скрежет зубовный, и река кипящая Морг, и вода уходит там в преисподнюю и вновь выходит трижды за день. И если те все места мучений не погибли, то как же могло святое это место погибнуть, поведай мне, брат, — место, в котором и Пречистая Богородица на-

тие должно быть, по смыслу самого понятия сакральности, радикально иным, чем совокупность профанных событий. В сакральном выражается, если следовать Дюркгейму, фундаментальная природа социальности. Именно поэтому сакральное событие никогда не может в полной мере обрести статус прошлого. В ритуале, спланированном членов общества, оно вновь и вновь воспроизводится в своей полной актуальности. Подобно тому, как сакральное, в классическом определении, есть *иное общества* и вместе с тем — *иное в обществе*, и вместе с тем — *сердцевина социальности*, не явленной самой себе как таковая, но явленной как иное, так и сакральное событие есть нечто иное, чем череда обычных событий. Если же переинтерпретировать социальность именно через событие, то сакральное событие (например, учредительное событие, основание государства мифическим героем в завершение некоторой истории как череды сакральных событий) обладает именно теми характеристиками, которые мы только что назвали характеристиками сакрального как такового. Забегая несколько вперед, скажем, что сакральное событие может быть отнесено к разряду *абсолютных событий*, одной из тех опорных точек, без которых конструирование прошлого в обществе стало бы внятным как совершенно релятивистский акт, разрушающий то, что необходимо создать.

Вернемся, однако, назад, к проблематике однородных событий. Ведь события в аспекте их важности для наблюдателя бывают также однородными, что, может быть, даже усложняет трактовку. Воспользуемся еще раз нашей пространственной аналогией. Представим себе события как разноцветные стеклышки в калейдоскопе. Каждый момент времени наблюдатель может видеть изменившийся узор, образованный всеми событиями, которые случились в данный момент. Такая аналогия может быть соблазнительной, но она не удовлетворительна. В калейдоскопе стеклышки плотно прилегают друг к другу, в нем всегда есть одни и те же стеклышки. Несмотря на объем каждого из них, картинка видится плоской (*поверхностной*, в смысле Делеза). Но все, что мы знаем о событиях, вынуждает нас предполагать, скорее, появление одних, исчезновение других, проникновение одного в другое, разные объемы и формы, ничем не заполненные

ходится и множество святых, которые после воскресения Господа явились многим людям в Иерусалиме и вновь пошли в рай?» (Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о Рае / Пер. Н.С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV вв. М.: Художественная литература, 1981. С. 45). Очевидно, что неуничтожимость места означает здесь не просто остановку времени. Святое место не полностью исключено из профанной географии, оно только недоступно обычному созерцанию.

пустоты и т.д. Моменты времени, необходимые нам для сохранения единства большой хронологии, могут и здесь оказаться «пустыми», т.е. не идентифицироваться ни с какими событиями, однородными событиями той или иной фигуры. Интерес к собственной природе элементарного события заставит нас считать в одном случае моментами нечто иное, чем в другом случае, причем это различие не может быть для нас неважным, если мы намерены сохранить единство хронологии. Нарушения единства хронологии могут иметь, в свою очередь, ощутимые последствия при попытках синхронизации событий, «которые начались в разные моменты времени и могут завершиться так же асинхронно»¹⁷.

Мы рассмотрели проблемы и трудности. Попробуем теперь наметить способы разрешения проблем и выхода из затруднительного положения. Для того, чтобы наше изложение было относительно простым, мы только вскользь затронем *особую* проблему уникальных событий. Как мы видели, в значительной степени она одна и та же при исследовании как уникальных, так и повторяющихся событий. Мы столкнулись с ней на первом этапе наших рассуждений, когда речь шла о неделимости интервала события. На следующем этапе она обнаружила себя вне рамок события, а именно, как проблема *прилегания* событий друг к другу. Теперь мы можем переформулировать ее еще раз, дабы обозначить *на входе* именно то, что в преобразованном виде должно быть получено *на выходе*.

Проблема. Если события являются элементами социальной жизни, то фундаментальный состав социальности образуют именно события. Если события не связаны между собой или если событий вообще нет, это может быть интерпретировано как отсутствие социальной жизни. Связь событий есть конститутивное условие социальности. Неплотное прилегание и взаимная непроницаемость событий равным образом означают неисполнение конститутивного условия социальности. К этому нас приводит логика рассуждения. Взаимная непроницаемость событий означает, что всякое событие, релевантное для наблюдения и вычленяемое как таковое с точки зрения предельного измельчения, не может пересекаться с другим таким же событием. Поэтому либо события плотно прилегают друг к другу, либо, с некоторой точки зрения, образуются пустоты между событиями. Неплотное прилегание событий означает, что наблюдатель, фиксирующий прекращение события и начало другого события, обнаруживает между ними незаполненный промежуток, т.е. интервал

¹⁷ Напомним, что это слова И. Гофмана, цитированные выше (см. сноску 12).

времени, свободный от релевантных для наблюдения социальных событий. Таким образом, традиционный социологический вопрос «Как возможно общество?» в данном случае принимает следующий вид: «Как возможна непрерывная связь и/или взаимное проникновение социальных событий?»

Попытка решения. Наблюдаемое событие коррелятивно событию наблюдения. Событие наблюдения происходит во времени и в пространстве. Это значит, что членение на плотно пригнанные друг к другу интервалы сопряжено с позицией наблюдателя во времени и в пространстве. Наблюдатель занимает место в пространстве, и событие наблюдения следует за одним событием, предшествуя другому событию. Это значит, что другой наблюдатель событий может не только иметь иной интерес, заставляющий его по другому фиксировать «что» события, но и само событие его наблюдения может быть рассогласовано с тем событием наблюдения, из которого мы исходили.

Это будет лучше всего заметно не тогда, когда мы обратим внимание на два события наблюдения, но тогда, когда их будет, по меньшей мере, три, вмняемых трем различным наблюдателям. Итак, предположим, что мы имеем дело с тремя наблюдателями. Обозначим их X, Y и Z. Наблюдатель X фиксирует событие y_1 . Наблюдатель Y фиксирует событие x_1 . Наблюдатель Z фиксирует, что событие x_1 было наблюдением события y_1 , а событие y_1 было наблюдением события x_1 . Иначе говоря, X и Y взаимно наблюдали наблюдения один другого, но только с точки зрения Z можно было установить, что они наблюдали в одно время или в разное время. На первый взгляд, это выглядит необоснованным утверждением. Действительно, наблюдатель фиксирует событие *сейчас*, в настоящем. «Мы воспринимаем события как сущие в настоящем (being present), а таковы лишь события, которые мы воспринимаем непосредственно. А все прочие события во времени, которые мы, благодаря памяти или рассуждению, считаем реальными, рассматриваются как прошлые или будущие; те, что раньше настоящего, — прошлые, те, что позже, — будущие»¹⁸. Отсюда легко сделать популярный вывод о том, что прошлого уже нет, будущего еще нет, а реально есть лишь настоящее. Но это рассуждение уведет нас к вопросу о природе времени или, по меньшей мере, природе восприятия времени. Для нас же представляет важность иной вопрос, а именно, вопрос о восприятии события как события во времени и его (восприятия) квалифика-

¹⁸ McTaggart J. E. Op. cit. P. 458.

ции как настоящего. Смещая таким образом акценты, мы видим, что наблюдение события в настоящем может быть интерпретировано двумя способами. Либо мы акцентируем время совершения наблюдаемого события, либо — время совершения наблюдения.

В первом случае легко напрашивается утверждение, что время наблюдения и время события никак не связаны: хотя наблюдение происходит в настоящем, наблюдаемое событие могло произойти в прошлом. «*К Вам письма в октябре придут, а он убит еще в июле*». На это можно возразить, что событие, которого нет в настоящем, не воспринимается. Если что-то воспринимается в настоящем, то оно и есть именно в настоящем. Следовательно, сейчас наблюдается некоторое теперешнее событие, причем наблюдение в настоящем позволяет лишь судить о том, чего нет в настоящем, но не воспринимать его. Можно сказать, что воспринимаемое *сейчас* событие не тождественно прошлому, к которому оно отсылает («*как звезды умершей свет доходит*»). Но значит ли это, что событие, которое происходит, происходит именно в настоящем, т.е. в момент наблюдения? Это сомнительно. Ведь наблюдение фиксирует состоявшееся, завершённое событие. Должны ли мы сказать, что оно предшествует наблюдению? — Но тогда его уже нет, и нечего воспринимать. — Должны ли мы сказать, что оно одновременно наблюдению? — Но тогда наблюдение начинается вместе с событием, завершается вместе с событием. Поскольку событие коррелятивно наблюдению, можно также сказать: событие начинается с наблюдением и завершается с наблюдением. Однако, этому противоречит понятие элементарности события. Идентифицировать длящееся как элементарное можно только задним числом, рефлектируя длительность наблюдения и его коррелята как нечто обособленное и неделимое. Таким образом, событие снова оказывается в прошлом, а наблюдение настоящего — парадоксальным феноменом: наблюдение настоящего невозможно, ибо настоящее ненаблюдаемо; наблюдение же прошлого возможно лишь как наблюдение настоящего.

Особый вопрос — пространственная удаленность события. Конечно, то обстоятельство, что о совершении события мы можем лишь судить, наблюдая нечто иное, находящееся «вблизи», т.е. в зоне непосредственной достижимости для органов чувств, может показаться важным. Но эта важность релятивирована развитием средств коммуникации. Свет умершей звезды идет долгие годы, но телефонный разговор собеседников, находящихся на двух разных континентах мало чем будет отличаться в смысле достижимости события от телефонного разговора собеседников, находя-

щихся в двух разных офисах одного здания. Проблема физической дистанции, как и социальной границы здесь может быть *проявлена*¹⁹, но это не та достижимость, о которой сейчас идет речь. Социальная конструкция смысла, в том числе и смысла дистанции, играет большую роль, но мы не можем говорить о ней на данном этапе изложения.

Во втором случае наблюдение события в настоящем значит прежде всего, что в настоящем есть наблюдение как событие. Именно наблюдение, будучи всякий раз в настоящем, собственно, подтверждает реальность настоящего. На это можно возразить, что настоящее есть настоящее лишь постольку, поскольку оно отличается от прошлого и будущего. Для того, чтобы событие наблюдения было идентифицировано как настоящее, оно должно уже состояться и быть отличаемо от прошлого и будущего. Однако, для такого различения нужна рефлексия: событие (в данном случае это событие наблюдения) должно уже свершиться, чтобы отличаться от прочих событий. Иначе говоря, оно парадоксально: оно должно быть в прошлом, чтобы быть в настоящем²⁰.

Итак, мы обнаруживаем парадоксальность обоих членов корреляции: события и наблюдения. Можно, впрочем, сказать, что, поскольку наблюдение мы также считаем событием, то обнаруживается парадоксальность события, взятого в двух аспектах: наблюдения и наблюдаемого. Роль парадокса, возникающего по ходу рассуждений, можно оценивать по-разному. Во всяком случае, мы вправе предположить некоторое неблагоприятие в исходной формулировке. Обратим внимание на то, что как наблюдаемое событие, так и событие наблюдения всякий раз отсылают нас к иным событиям. Мы видим, что, будучи элементарным, событие не может мыслиться в качестве сингулярного. Иначе размышление о нем приводит к противоречивым характеристикам и парадоксам. Следовательно, для непротиворечивого мышления о событиях необходимо, по меньшей мере, включение в рассмотрение с самого начала *нескольких событий*, включая события наблюдения. Именно об этом мы говорили выше, утверждая, что лишь *третий* наблюдатель может установить одновременность (или неодновременность) событий наблюдения двух других. Разумеется, это заставляет, в свою очередь, поставить вопрос об этом третьем наблюдении и наблюдателе в той же

¹⁹ См. об этом подробнее: Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи // Вопросы социологии. 1992. № 1.

²⁰ Более сложное рассуждение должно было бы показать справедливость этой формулы и для будущих событий.

плоскости. Очевидно, что и оно не может мыслиться в качестве сингулярного. Следовательно, первоначальное предположение о том, что мы можем обойтись только тремя наблюдателями и тремя актами наблюдения, необходимо уточнить. На самом деле либо в отношении количества наблюдателей, либо в отношении количества актов наблюдения это число должно быть умножено. Возможность умножения количества участников и количества актов наблюдения сама по себе предполагает известные ограничения. Мы не должны останавливаться на том, возможно ли для одного наблюдателя одновременно осуществлять несколько наблюдений. В любом случае множественные наблюдения являются делом нескольких наблюдателей, причем их наблюдения *одновременны*, а одновременность устанавливается лишь наблюдением, которое, в свою очередь, может быть фиксировано в своей одновременности с другими событиями (наблюдаемыми событиями и событиями наблюдения) только в акте наблюдения.

Таким образом, мы самой логикой рассуждения о наблюдениях событий вынуждены предполагать некоторую неопределимую множественность событий, которые отсылают одно к другому, причем не все могут быть связаны со всеми. Невозможность связи всего со всем вынуждает к избирательности: одни события связаны между собой, другие не связаны. Взаимосвязанность означает отграничение от прочих, понятие границы наводит на мысль о системе: внутреннее (система) и внешнее (окружающий мир) различаются как области связанного и несвязанного. Так и есть. Начиная с единичной операции наблюдения единичного события, мы пришли к понятию системы, которое разрабатывал Никлас Луман²¹. Однако, понятие системы, которое мы находим у Лумана, не может нас устроить. По Луману, социальные системы суть принципиально *непространственные* образования. Это связано с тем, что элементами системы являются именно *события*. У Лумана это «события коммуникации». События не обладают собственной длительностью, они моментальны, но они также не обладают и пространственной определенностью, точно так же, как наблюдатель, в его интерпретации, не телесен и не имеет места в пространстве. Это весьма существенно отличается от нашего определения события как пространственно-временного единства, а равным образом и от концептуализации наблюдателя как того, кто занимает место в пространстве. Соответственно, из непространственных событий-комму-

²¹ См., прежде всего: Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984.

никаций могут состоять лишь не имеющие места системы. А что же образуется из тех связей между событиями, которые мы обнаружили выше в нашем изложении?

Если бы речь шла только о связях наблюдений, мы могли бы удовлетвориться тем, что наблюдатель телесен и имеет место, тогда как операция наблюдения ментальна и места не имеет. Однако, события наблюдения включены нами в ряды событий, которые суть не только события-когда, но и события-где, поскольку событие мы определили как пространственно-временное единство. Для нас важна телесность наблюдателя, не только членящего происходящее на минимальные по длительности единства, но и отличающего «свое место» от мест наблюдаемых событий. Таким образом, для него его собственное наблюдение как событие наблюдения неотделимо от места наблюдения. Все события имеют пространственно-временной характер, включая событие наблюдения, поскольку это последнее рассматривается именно как событие, а не просто как логическая, ментальная и т.п. операция. Следовательно, мы весьма далеки от теории систем Лумана, хотя для нас большую ценность представляют его рассуждения о событиях коммуникации. Если, по Луману, события коммуникации смыкаются в системы, то мы рискуем предположить, что они смыкаются в конфигурации. Характер системы заранее предполагает, какие коммуникации в ней возможны. Конфигурации событий бесконечно многообразны.

Между тем, в одной из своих поздних работ Луман, который по-своему пытался справиться с проблематикой пространства, сделал важное замечание, которое позволит нам существенно продвинуться в дальнейших рассуждениях. Это замечание относится к концепции Дж. Г. Мида. Мид, говорит Луман, опирался на философию события А.Н. Уайтхеда и считал, что «реальность переживания и действия состоит лишь из последовательности событий». Иными словами, все, что появляется, тут же разрушается, прекращает существовать, момент одного существования не соединен с моментом другого существования. Но если я переживаю саморазрушение событий в потоке времени, то и другие переживают одновременно то же самое. Значит, то, как они воспринимают («переживают») нечто одновременно со мной, мне принципиально недоступно. Атомарные, моментальные переживания событий разными людьми недоступны друг для друга. Но благодаря тому, что люди идентифицируют *объекты*, «время связывается»: что-то разрушается, но что-то задерживается, продлевается. А поскольку мы соглашаемся, что это — один и тот же объект и для меня, и для другого, согласие относительно идентичности объекта позволяет нам

обойтись без непосредственного доступа к переживаниям и впечатлениям другого. «Таким образом, согласие может быть оперативно сконструировано лишь как наблюдение, остается только спросить: чье наблюдение?»²².

Сформулируем это еще раз. Имеется множество наблюдателей и наблюдений. Сами по себе наблюдения не просто элементарны (атомарны), они еще и не связаны между собой, в том числе и наблюдения одного и того же наблюдателя. Связь атомарных наблюдений возможна за счет идентификации объекта. Поскольку в число наблюдений попадают чужие наблюдения, то необходимо согласие наблюдателей относительно объекта (*тот же самый объект для разных наблюдателей*). Таким образом, речь идет о социальной (*согласие* есть социальный результат) конструкции тождества объекта *во времени (пробывание)*.

Обратим внимание на то, что речь здесь идет о проблемах, которые мы затрагивали выше. Мы старались уйти от феноменологической постановки вопроса о синтезе единства вещи из событий восприятия и от феноменологического же понятия временного объекта, поскольку основную важность для нас представляют не вещи (объекты), их тождество или альтерация, но само событие как отчетливое смысловое пространственно-временное единство *совершения и свершения* (см. вводное определение). Проясняя понятие наблюдения, мы возвращаемся к вещам и объектам. Но это имеет значение в контексте данного изложения лишь постольку, поскольку социальная конструкция тождества вещи происходит подобно тому, как происходит социальная конструкция тождества события²³.

Это будет хорошо видно, если рассмотреть точку зрения Мида несколько подробнее. Мид, по его собственным словам, был намерен «взять из философии природы Уайтхеда... концепцию природы как организации существующих в природе перспектив»²⁴. Объективность перспектив связана с интерпретацией события. События совершаются в «четырёхмерном мире Минковского» в порядке, который соотносительен некоторому «согласованному множеству» («consentient set»). «Согласованное множество определяется отношением к воспринимаемому событию, или организму. Воспринимающее событие конституирует (establishes) постоянный харак-

²² Luhmann N. Die Kunst der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. S. 81.

²³ Ниже мы еще увидим, как одна только идентификация объекта уже имплицитно стоящее за ним событие или даже череду событий прошлого.

²⁴ Mead G.H. The Philosophy of the Present / Ed. by Arthur E. Murphy. La Salle, Ill.: Open Court, 1932. P. 163.

тер “здесь” и “там”, “теперь” и “тогда”, и само по себе есть длительный образец. Образец повторяется в ходе событий. Эти повторяющиеся образцы охватываются или схватываются в единство, которое должно иметь такую временную протяженность, которая требуется организму, чтобы быть тем, что он есть, будь то период обращения электронов в атоме железа или красота человека»²⁵. Итак, здесь мы опять встречаемся с постоянством, сохранением во времени некоторой вещи, хотя эта вещь и называется «воспринимающим событием» и «образцом». Мы, так сказать, не видим событийности в этом событии. Тем не менее, стоит проследовать за Мидом чуть дальше, чтобы обнаружить весьма плодотворные идеи.

Организация «воспринимающим событием» согласованного и длительного множества образцов или событий, так сказать, дифференцирует природу, конституирует ее «куски» (slabs), отделяет пространство от времени. Вот это и есть «перспектива организма», присутствующая в природе. И таких перспектив, способов организации событий соответственно длительным образцам, множество. Именно это представляет особый интерес для Мида: множество перспектив как раз составляет предмет любой социальной науки. Социальная наука имеет дело с человеческим *индивидуальным* опытом. Но для нее, продолжает Мид, важно не только то, как индивид действует «в своей собственной перспективе», но и то, как он действует в перспективе другого или других, в «общей перспективе группы». Индивид способен принять установки других, встать на их точку зрения: «В поле любой социальной науки в качестве объективных данных выступает тот опыт индивидов, в котором они перенимают установку сообщества, т.е. входят в перспективы других членов сообщества»²⁶.

Именно соотношение индивидуальной и общей перспектив имеет особую важность. В полной мере мы обнаруживаем это соотношение только в коммуникации. Коммуникация возникает во взаимодействии, в котором определенные фазы действий одного участника (Мид говорит «формы») являются стимулами для других совершить «свою часть» социальных действий. Коммуникация в полном смысле слова есть только там, где стимул («значимый символ»), который Мид называет «жестом», пробуждает в самом производящем его индивиде ту же ответную реакцию, что и в других участниках. «В процессе коммуникации индивид есть другой прежде, нежели он есть он сам. Его самость возникает в коммуникации

²⁵ Mead G.H. Op. cit. P. 162.

²⁶ Ibid. P. 166.

именно постольку, поскольку он адресуется самому себе в роли другого... Затем он может стать обобщенным другим, адресуясь себе в установке группы или сообщества. В этой ситуации он стал определенной самостью по отношению к своему социальному целому. Это — общая перспектива. Она существует в организмах всех членов сообщества... Механизм человеческого общества — это телесные самости, которые помогают или мешают друг другу в актах совместной деятельности по манипулированию физическими вещами»²⁷.

Физическая вещь, продолжает Мид, есть вещь перцептуальная (т.е. данная в восприятии). В полной мере она «присутствует в области манипуляции, где она видима и чувствуема, где обнаруживается как обещание контакта, так и исполнение обещания, потому что для удаленного стимулирования и акта, который этим стимулом инициируется, характерно, что установки на манипуляцию — я их буду называть предельными установками перцептивного акта — уже появились — это та готовность схватить, войти в эффективный контакт, которая в некотором смысле контролирует доступ к удаленному стимулированию»²⁸. Но человек способен заблуждаться относительно своих восприятий (например, в бреду); он может отбросить как ложные некоторые интерпретации своих восприятий (например, систему Птолемея), говорит Мид. Отказ от непосредственности восприятия и прежних интерпретаций восприятия возможен благодаря перспективе организации событий «воспринимающим событием» в «согласованном множестве», о чем и шла речь выше. А согласованное множество согласовано *сообществом*. У животного не только восприятия носили бы непосредственный характер, но и его «акты» носили бы исключительно, как называет это Мид, «консуматорный характер»: человек, будь он всего лишь животным, стремился бы только «ухватить и употребить». Но человеческое действие опосредовано коммуникацией и значимыми символами, оно не обязательно завершается собственно потреблением вещи, на которую направлено: в частности, потому, что действие может быть символическим, указательным, т.е. коммуникативным жестом, направленным на «перцептуальные вещи». Именно это, а не «физиологическая дифференциация» организмов, говорит Мид, делает социальное взаимодействие таким сложным.

В социальном взаимодействии люди участвуют как разумные существа и как физические тела. Эти тела могут быть в непосредственной близос-

²⁷ Ibid. P. 168, 169.

²⁸ Ibid. P. 170.

ти друг к другу, т.е. в «области манипуляции», или быть удаленными одно от другого. Что происходит при пространственном удалении? Тот, кто действует за *пределы* области манипуляции, может только предполагать, что произойдет, когда его действие как стимул достигнет другого участника. То, что произойдет с другим участником, произойдет в будущем, этого *еще нет* в момент совершения действия. Того, что произойдет с первым участником в ответ на реакцию другого участника на его действие (реакция на реакцию), тем более еще нет. То, что произошло с тем, кто совершил действие, — это уже прошлое для того, кого достиг «удаленный стимул». Но есть здесь и другая сторона: действие представляет собой стимул не только для удаленного Другого, ибо тот «первый» участник коммуникации, как мы видели, есть Другой для самого себя прежде, чем он есть самость. Его действие, направленное на Другого, инициирует его самого *как Другого* непосредственно, моментально. «Именно идентификация этих реакций с удаленными стимулами конституирует одновременность, придает внутреннее существование этим удаленным стимулам и дает самость организму. Без такого конституирования одновременности стимулы находятся на пространственно-временном удалении от организма, а их реальность — в будущем. Конституирование одновременности обращает эту будущую реальность в возможное настоящее, ибо все наше настоящее за пределами области манипуляций есть, что касается его перцептуальной реальности, только возможное. ...Реальность ждет результата акта. Реальность настоящего есть возможность»²⁹.

Эти рассуждения Мида мы можем продолжить также и несколько иным образом, чем, вероятно, сделал бы сам философ. Одновременность, говорит он, *конституируется*. Но если так, то конституируются и прошлое, и будущее. Точнее говоря, если следовать за аргументом Мида, прошлое и будущее несомненны, и только настоящее нуждается в конституировании. Прошлое — это то, чем для участника коммуникации, на которого направлено действие и которого достиг стимул, являлся бы источник действия, если бы не было согласованной *синхронизации*. Будущее — это то, чем для источника действия, т.е. «первого» участника коммуникации, являются предполагаемые реакции Другого и его собственные реакции на свое собственное поведение, поскольку он смотрит на себя в перспективе Другого или обобщенного Другого, т.е. группы. Строго говоря, действие вполне свершилось только тогда, когда оно достигло адресата: мы вправе

²⁹ Ibid. P. 172, 173.

говорить «я ему сказал», «я ее обидела», «я бросил в них камень» только если жест достиг адресата и вызвал реакцию, которая, в свою очередь, достигла нас и вызвала реакцию³⁰. Поэтому, говоря то же самое до того, как мы получили эту ответную реакцию, мы не судим о настоящем, но предвосхищаем будущее в модусе настоящего. Синхронизация и означает такое предвосхищение со смещенным модусом. Таким образом, то *настоящее*, которое непосредственно есть действие как событие, оказывается при ближайшем рассмотрении *прошлым* (поскольку оно *уже* совершилось), *будущим* (поскольку оно только *может* свершиться) и собственно *настоящим*, потому что собственно настоящее не непосредственно, а *синхронизировано* в согласованном множестве или сообществе.

Все это очевидно при внятном пространственном удалении участников друг от друга. Если участники взаимодействия находятся в зоне манипуляций друг друга, объективно существующие между ними дистанции, а равным образом и время их преодоления становятся не релевантными, стягиваются в моментальность события, и чтобы разложить его на последовательность более мелких событий, а тем более, — чтобы признать за этими последними статус элемента, требуется решительная перемена модуса внимания. Однако, пространственное удаление только делает очевидной, а отнюдь не впервые возможной ту организацию перспектив, о которой говорит Мид³¹. Выходящее за пределы зоны манипуляции взаи-

³⁰ Любопытно, что Мид находит зачатки этого уже в нашем действии на неживую природу: мы не знаем, с какой силой стукнули по камню, пока рука его не коснулась и не встретила отдачу.

³¹ Совершенно иначе смотрел на дело Никлас Луман. С точки зрения Лумана, соединять время и движение, время и пространство (что предполагает в качестве исходного различения различение «прежде» и «после») — это «традиционный», т.е., во всяком случае, не единственно возможный, а скорее всего — устаревший подход. Возможна иная семантика темпоральности. По Луману, «все происходящее происходит одновременно». «Базисом всех различений, которые соотносятся со временем и эксплицируют временное измерение, является одновременность операции различения со всем тем, что еще (т.е. помимо различения. — А.Ф.) происходит. Всякое соотносящееся со временем различение должно прежде всего создавать разновременность, т.е. прежде всего порождает парадокс одновременности разновременного, чтобы затем заняться разрешением этого невыносимого парадокса (не-теперь есть теперь). Время конституируется через размыкание своего собственного парадокса, и лишь поскольку это специфический парадокс, разрешить который можно не любым способом, временное измерение в результате можно отличить от других измерений, прежде всего, от пространственного» (Luhmann N. Soziologische Aufklärung 5. Konstruktivistische Perspektiven. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 109). Иначе говоря, есть особая логика работы с парадоксом «теперь есть не-теперь», которая ничем не обязана наличию телесных наблюдателей с разными пространственными позициями. На это можно было бы возразить, что на самом деле такая логика возможна лишь благодаря особой метафорике логического пространства различений «с двумя сторо-

модействие позволяет привлечь внимание к тому, что каждое из трех возможных временных определений события (прошлое, настоящее или будущее) может иметь, по меньшей мере, два разных значения. Легче всего это увидеть в отношении прошлого. Когда мы говорим «я сейчас отправил Вам письмо», то сам язык выдает парадоксальность недавнего прошлого в коммуникации. С одной стороны, письмо уже отправлено, мы говорим о свершившемся событии. С другой стороны, оно отправлено именно «сейчас», мы готовы говорить об этом как о едином событии: отправил письмо — и тут же сообщил — и как раз собирался сделать что-то еще. Иначе говоря, событие раскрывает свой сложный характер. Оно является смысловым единством, которое выступает пределом измельчения. Но вот, оказывается, что, не меняя модус внимания, мы не можем не различать «прежде» и «после», без которых не профилируется само смысловое единство³². Однако и в пределах самого события мы замечаем нечто сходное, что позволяет, не меняя модуса внимания и не сообщая качество события его «логически», как сказал бы Зиммель, необходимым моментам, рассматривать его как *внутренне неоднородное единство*. Внутренняя неоднородность связана, *на первый взгляд*, со спецификой временного совершения события. Ведь если мы согласились с тем, что оно не моментально, но занимает некий интервал времени, то, следовательно, даже признавая неделимость этого интервала, мы все равно предполагаем его асимметрию относительно «прежде» и «после». Так, в событии «написал и отправил письмо» мы можем и не вычленять два разных события. Но, подобно тому, как падающий с крыши камень сначала был на крыше, потом между крышей и почвой и лишь в конце оказался на земле, так и письмо не могло быть отправлено, не будучи написано. Это — не *временная* структура события, если только мы не членим его на более мелкие события. Это — *логика его смыслового устройства*, поскольку событие размещено в некотором временном интервале в рамках объемлющей хронологии, и, с точки зрения наблюдателя, для которого значима и эта хронология, и цельность события, оно

нами». Поскольку, благодаря различению, нечто отличается от иного *uno actu*, обе стороны суть одновременно. Но поскольку нельзя быть сразу «на обеих сторонах», требуется время для пересечения. Так возникает фундаментальный парадокс «теперь есть не-теперь». Но как можно говорить, что пересечение требует времени, если не понимать его как движение — хотя бы только в логическом пространстве? Таким образом, вся конструкция строится на песке. Но отдельные ее элементы в силу этого отнюдь не лишены ценности.

³² См. у Козеллека: «Лишь минимум “прежде” и “после” конституирует смысловое единство, которое из обстоятельств делает событие» (Koselleck R. Op. cit. S. 147).

предстает не как некое *заполнение* однородного однородным («пустого» времени хронологии «стоячим» временем события), но как некое предельное смыкание неоднородного в нерасчленимой цельности. Напомним, что выше мы указывали на сходство и различие в интуициях целого и элемента. Мы говорили, что элемент, как и целое, не делится на части, поскольку он релевантен для наблюдения безотносительно к существующим в нем внутренним связям (как и целое), но безотносительно к внешним (в отличие от целого). Мы также констатировали, что внимание к элементарному характеру события означает, собственно, отказ видеть в нем *однородные* ему события как составные части. Но не можем ли мы тем не менее видеть в нем некую последовательность, члены которой не имеют внятных очертаний, четких пространственно-временных границ и обретают смысл лишь в контексте целого? Иначе говоря, не можем ли мы усмотреть в нем некие квазиэлементы, которые слишком размыты и несамостоятельны в рамках события, чтобы казаться его дискретными составляющими?

Скорее всего, такое рассуждение может казаться удовлетворительным только на первый взгляд. Конечно, противоречия нашим начальным определениям здесь нет, но внимание, сосредоточенное на квазиэлементах события, может обернуться размыванием его характеристики как отчетливой атомарной целостности. Иначе говоря, здесь нужна полная ясность: до тех пор, пока внимание сосредоточено на событии как элементе, внутри события не вычлениваются никакие элементы или квазиэлементы. Как только мы переносим внимание на элементы события, само событие утрачивает характер элементности, оно становится для нас системой или процессом, образованным связью элементов. Это именно то, о чем мы говорили с самого начала, и ставить под сомнение этот аспект рассуждений значит лишить продуктивного напряжения весь аргумент. Но не оказываемся ли мы тогда в тупике? Вполне возможно, что в этом направлении мы не продвинемся дальше, если ограничимся только этим ходом мысли. Его можно модифицировать лишь за счет теоретически слабого «как бы»: квазиэлементы *как бы* носят некоторые характеристики события, событие *как бы* делится на квазиэлементы, последовательности в рамках событий *как бы* размыты. Размыты — почему? По логике предшествующих рассуждений, они размыты из-за *недостатка внимания*. С одной стороны, оно *как бы* обращено именно к событию. С другой стороны, оно *как бы* перенесено (но лишь отчасти) на его внутреннее устройство.

Это — достаточно реалистичный взгляд на вещи. Мы, безусловно, даем более точную характеристику вниманию, если говорим, что оно не иск-

лючительно концентрируется на атомарном событии, что даже при стремлении достичь такой концентрации мы не можем не замечать неоднородности атомарного и *как бы* делимости неделимого. Однако неделимость события коррелятивна не вниманию как таковому, поскольку в нем сохраняется момент произвольности, но логическим характеристикам наблюдения. Именно поэтому мы не можем апеллировать к вниманию, поскольку по отношению к нему наблюдение имеет более высокий статус. Внимание мы можем более или менее успешно *направлять*. Наблюдение мы *организуем*, отсекая или привлекая те или иные данные. Внимание является аспектом наблюдения. Дополнительные, побочные данные, полученные из-за некоторой размытости или частичного переноса внимания, мы принципиально выносим за скобки наблюдения.

Итак, на этом пути мы, видимо, исчерпали все возможности дальнейшего продвижения. Поэтому нам следует вернуться назад, к тому пункту рассуждений, где содержались иные, еще не до конца исчерпанные ресурсы. Прежде всего, это многосмысленность события, связанная с его локализацией в пространстве и времени. Что означает определение одного и того же события как прошлого, настоящего и будущего? В самом простом смысле, как мы видели, это просто означает, что в ряду позиций А-ряда МакТаггарта оно сначала было будущим, потом стало настоящим и, наконец, превратилось в прошлое, а в ряду позиций В-ряда оно было прошлым по отношению к одному событию наблюдения, синхронизировано в настоящем с другим, ожидается — с точки зрения третьего. Но в более сложной концепции Мида, как мы реконструировали ее выше, оно выступает как единство прошлого, настоящего и будущего в одном и том же наблюдении. Что это значит? Ведь «прошлое / настоящее / будущее» — это различие! Сказать, что нечто имеет все три характеристики — совсем не то же самое, что сказать про какую-то вещь, что она и тяжелая, и красная, и гладкая. «Быть прошлым» значит «не быть будущим» и т.д. Но логического противоречия здесь все-таки нет. Событие, которое идентифицировано как событие в настоящем, отличается от однородного ему события в прошлом. Но условия конституирования события как события в настоящем таковы, что оно, как мы видели, под определенным углом зрения, предстает как событие в прошлом или событие в будущем. Событие в настоящем, представленное как событие в прошлом или событие в будущем, не становится тем самым ни прошлым, ни будущим событием, однородным событию в настоящем. Иначе говоря, различие события в рядах событий и различие аспектов события суть разные различия, пригод-

ные для разных контекстов. Именно поэтому мы можем говорить о логическом устройстве события, о последовательностях, предполагаемых данным устройством, не впадая в риск смешения атомарности и делимости.

Что же такое «логическое устройство» события? Проще всего было бы говорить о том, что существует что-то вроде «идеи события», которая в этой логике представлена в многообразии своих компонентов³³. Однако, аналитическое представление фундаментальных характеристик события как коррелята наблюдения позволяет нам уйти от этого традиционного и малопродуктивного взгляда. Зиммель, упоминая о *логической связи* моментов события, не раскрывает эту формулу подробно. Между тем, есть разница в логической связи положений падающего камня и эпизодов военной кампании (если последняя, как предполагает Зиммель и как склонны утверждать вслед за ним и мы, тоже может трактоваться как единое событие).

Подойдем к вопросу иначе. Что позволило нам характеризовать одно и то же событие как настоящее и прошлое? То обстоятельство, что оно именно таково в разных аспектах взаимодействия. В контексте взаимодействия, с разных точек зрения, в разных смыслах идентичность события конституируется по-разному и всякий раз, будучи идентифицировано как прошлое, настоящее или будущее, оно открывает себя наблюдателю, находящемуся вне контекста взаимодействий, как многоаспектное смысловое единство. Зафиксируем этот момент и перейдем к следующему. Выше мы говорили о том, что для нас важна телесность наблюдателя, поскольку именно то, что у него «есть место», позволяет иначе конструировать наблюдение и единство событий. Наблюдатель — это не участник социального взаимодействия, он находится «вне». Он идентифицирует события во взаимодействии в пространстве и времени, причем сам в них не участвует. Но если наблюдение и наблюдатель — это характеристики логические, а не реальные, тогда наблюдатель как «вот этот» живой человек может участвовать в свершающемся наблюдаемом и при определенных условиях

³³ Эта сторона дела вообще очень сложна. Даже если не становиться на позиции философского реализма и не трактовать «Событие» как род универсалии, все равно вопрос о *повторяющемся событии*, т.е. событии, не привязанном к уникальному пространству-времени, остается в высшей степени актуальным. Это, в частности, документировано известной дискуссией Д. Дэвидсона и Р. Чизхолма, в которой первый отстаивал значение событий как «отдельностей» («particulars»), а второй доказывал возможность и необходимость трактовать их также вневременным образом. Аргументы Дэвидсона представляются более убедительными, в частности, поскольку позволяют более внятно говорить о последовательности событий, но подробнее останавливаться на этом мы здесь не можем. См.: Davidson D. *Eternal vs. Ephemeral Events* // NOUS. 1971. Vol. 5. No 4. 335—349.

все-таки быть наблюдателем. При каких условиях? Если событие в настоящем может быть идентифицировано наблюдателем как таковое лишь постольку, поскольку оно уже свершилось, т.е. отошло в прошлое, то собственное участие есть для него также прошлое участие. Это именно та рефлексия свершившегося, о которой, опираясь на Бергсона и Гуссерля, говорит Шюц в «Смысловом строении социального мира»³⁴. Для рефлексии никакого иного настоящего, кроме прошлого, не существует.

Но почему в точном смысле слова прошлое, т.е. прошедшее, идентифицируется как настоящее? — Прежде всего, потому, что это прошлое еще не атомарно, еще не *само по себе*. Это именно аспект того настоящего, которое еще не вполне рефлексивируется участвующим наблюдателем именно в силу вовлеченности последнего в живой процесс взаимодействия (т.е. рефлексивируется лишь постольку, поскольку его моменты отходят в прошлое). Это прошлое того настоящего, которое всякий раз вычленено из потока и идентифицировано как таковое при следующем акте рефлексивного внимания. Поэтому для наблюдателя-участника такое прошлое-настоящее не является в полном смысле прошлым. Оно есть преддверие настоящего, то, что придает ему смысл и определенность. Чтобы стать полноценным прошлым для участвующего наблюдателя, событие должно утратить эту живую связь с его участием. У него должна быть та несомненность, какой не бывает у недосказанного предложения, незавершенного жеста, продолжающегося действия. У полноценного прошлого есть несомненность того, что состоялось и что связано с проживаемым настоящим (если вообще связано с ним) только в целом, будучи как бы отделено от него барьером смысловой завершенности. Опираясь на различия и проясняя содержание актов рефлексивного внимания, наблюдатель использует или подразумевает использование определений «сначала» и «затем». «Сначала я принял душ, а затем принялся за работу» — это значит, что работа, быть

³⁴ См.: Schutz A. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1983. Kap. 1. См. также суммирующее суждение Шюца в более позднем сочинении: «Смысл... это не качество, присущее определенному опыту, возникающему в нашем потоке сознания, а результат интерпретации прошлого опыта, увиденного из настоящего сейчас при рефлексивной установке. До тех пор, пока я живу внутри своих действий, направленных на объекты этих действий, действия не имеют никакого смысла. Они становятся осмысленными, когда я схватываю их как четко ограниченный опыт прошлого, а это значит — в ретроспекции. Только тот опыт, который можно вспомнить вне зависимости от его наличия в настоящем и который можно изучить на предмет его строения, является, поэтому, субъективно осмысленным. (Шюц А. О множественности реальностей / Пер. А. Корбуа // Социологическое обозрение. 2003. Т. 2. № 2. С. 5: <http://www.sociologica.net/08tra1.pdf>).

может, еще продолжается, но душ уже принят, краны завернуты, полотенце сушится. То же самое относится к описаниям взаимодействий: «После семинара мы отправились на выставку» — подразумевается, что уж семинар-то во всяком случае уже завершен, причем завершен точно до похода на выставку. Напротив, «мы продолжаем заседание» означает, что настоящее отличается непосредственной вовлеченностью наблюдателя, и ситуация, схваченная в акте рефлексивного внимания, хотя и может быть представлена в череде последовательных эпизодов, как таковая еще не завершена, не стала в собственном смысле прошлым, как бы далеко ни отстоял от актуального наблюдения тот или иной ее эпизод.

Мы помним, однако, что представление одного и того же события как настоящего, прошлого и будущего было связано с множественностью наблюдений и наблюдателей-участников ситуации. Мы зафиксировали, что их должно быть не менее трех: помимо хотя бы двух взаимодействующих участников, для каждого из которых настоящее переживание действия другого указывает на прошлое совершение этого действия, а свое собственное действие распознается как прошлое через реакцию другого или предвосхищается по смыслу в его будущей реакции, так что синхронизация их взаимодействия предполагает, что есть еще один — наблюдатель. Исследуя этот вопрос более подробно, мы пришли к пониманию изначальной множественности событий и наблюдений. Сейчас мы приходим к тому же результату с другой стороны. Ведь (1) если наблюдатель отвлекается от взаимодействия и рефлексии свое участие в продолжающемся взаимодействии, то в нем, очевидно, больше, чем один участник; (2) если мы говорим о непосредственной вовлеченности, прекращении вовлеченности и о том, что, как мы сейчас увидим, отстоит от наблюдателя чуть дальше, чем едва прекратившаяся вовлеченность во взаимодействие, то это наводит на мысль о разнокачественных временных характеристиках того, что обычно считается настоящим. Но эти простые соображения могут стать более продуктивными, если рассмотреть в этой связи два вопроса.

Первый вопрос — это вопрос об источнике и характере различий, которыми пользуется наблюдатель. Наблюдатель, говорим мы, поскольку он именно наблюдатель, а не участник, перестает быть вовлеченным в течение взаимодействий. Он не просто обращает внимание на свершившееся, но и отличает его от всего последующего хода переживаний и действий. Но ни эти различия не являются результатом его собственных измышлений, ни применение этих различий не является делом одного только произвола. Конечно, можно было бы сказать, что эти ограничения

произвола присутствуют в реальной жизни и не имеют отношения к логической природе наблюдения. Но это заблуждение — и как раз потому, что именно исследование логических характеристик события привело нас к утверждению о множестве не только участников, но и наблюдателей. Можно сказать, что различия имеют хождения среди участников взаимодействия, причем их применение носит как теоретический, так и практический характер, поскольку явное или неявное единодушие относительно завершения некоего эпизода является важным аспектом продолжения или прекращения взаимодействий. Практика социального оперирования с синхронизацией, с определением и членением прошлого, настоящего и будущего — это тема весьма благодарная, но разработка ее опасна соскальзыванием к очень тривиальным, хотя и нуждающимся время от времени в дополнительной вербализации ходам мысли. Несколько слов об этом мы еще скажем ниже.

Второй вопрос намного сложнее. В этой части нашего рассуждения мы говорим о прекращении вовлеченности, о завершении эпизода³⁵. Слова «событие» мы старались избегать. Ведь событие имеет не только завершение, но, как мы видели, и начало! Собственно, именно проблема дистанции между началом и завершением события разрешается при исследовании его логического устройства. Но стоит нам обратиться к началу события, как весь аргумент от вовлеченности наблюдателя теряет свою силу. Прежде всего, если наблюдатель уже не вовлечен постольку, поскольку фиксирует завершение события, то тем менее он вовлечен, фиксируя начало! Следовательно, между началом и завершением события, с точки зрения вовлеченности наблюдателя, нет никакой разницы. Если же мы скажем, что между ними вообще нет никакой временной разницы, поскольку событие фиксируется именно как событие, а не как поддающийся дальнейшим членениям эпизод, то это не только не помешает, но, напротив, заставит нас снова отойти от идеи простой единой длительности и трактовать начало и конец единого события как характеристики его логического устройства. Если же мы будем утверждать, что у события нет никакого начала и конца, ни в смысле единой длительности, ни в смысле логического устройства, то это не поможет нам на следующем этапе рассуждений. Ведь

³⁵ Понятие эпизода вводится и далее используется без каких-либо обоснований, поскольку оно берется только как технический термин, на нем не выстраиваются в данном контексте никакие аргументы. Но это — только в данном контексте. При более подробном исследовании темы понятие события и понятие эпизода должны быть поставлены в категориальную связь.

не только *вслед* за завершившимся событием что-то произошло (например, длилось взаимодействие, в которое мог быть вовлечен наблюдатель), но ему также и *предшествовало* что-то, что также могло быть, но могло и не быть событием. Если нечто, предшествующее событию, было событием, то оно, разумеется, было прежде того события, о котором мы говорили как о ближайшем к (прекращению) вовлеченности наблюдателя. Это предшествующее событие завершилось, прежде чем состоялось следующее событие. Иначе говоря, если ближайшее событие трактуется как прошлое в силу его завершенности, ибо только прошлое обладает этим качеством завершенности, то предшествующее ему событие (*plusquamperfectum*, предпрошедшее время, указывает Шюц) является *безусловно* прошлым. Но зафиксировать это безусловное прошлое можно только в том случае, если у нас есть ясность с завершением данного события, а равно и началом того ближайшего прошлого, которое может представлять как настоящее.

Теперь мы видим, для чего необходимо было выше говорить о «плотном прилегании событий». Пока речь идет только об одном, ближайшем, несомненном лишь в своей завершенности, но не полной атомарности события, отличаемом более от последующей вовлеченности, нежели от предшествующих ему событий, оно еще не видно в полной мере как событие, ему не хватает, так сказать, четких очертаний *со всех сторон* (хотя такое объяснение и наводит на мысль о *пространственной* концепции времени). Но стоит нам только зафиксировать, во-первых, что ему предшествовало другое, также *завершенное* событие, а во-вторых, — что череда событий непрерывна и, по меньшей мере, между этими двумя событиями не было пустот, как эти очертания проступают куда яснее: прекращение одного и начало другого суть чуть ли не одно и то же; будь иначе, границы события могли бы показаться размытыми, если вообще могла бы идти речь о событии. Нам всегда легче зафиксировать событие как нечто определенное, если его можно датировать между двумя другими. Но почему вообще должно быть какое-то членение на события? Оно оправдано в нашем изложении пока только одним, а именно, обращенностью наблюдателя на собственный опыт, отличием непосредственной вовлеченности от того, что отрефлектировано в качестве настоящего. Дополнительный аргумент мы находим у Мид, который говорил, что новое событие, разрыв непрерывности происходящего есть необходимое условие всякого опыта постижения событий. «Без этого разрыва непрерывности невозможен опыт непрерывности. ...Непрерывность всегда имеет некое качество, но

поскольку настоящее переходит в настоящее, имеется разрыв в непрерывности — [разрыв] внутри непрерывности, а не самой непрерывности. Этот разрыв обнаруживает, что есть непрерывность, тогда как непрерывность есть фон для нового»³⁶. Иначе говоря, даже трактуя свой опыт как непрерывный и даже трактуя непрерывный опыт как опыт настоящего (якобы-настоящего, *specious present*, говорит Мид), мы самой возможностью опыта обязаны членением на события. А поскольку с чем-то новым мы сталкиваемся постоянно, даже только что случившееся событие идентифицируется как «прошлое настоящее», потому что происходит уже следующее событие, которое в чем-то ново, а в чем-то нет. В настоящем есть не только новое, но и то, что связывает поток опыта, делает его не совершенно разорванным и дискретным, а именно единым опытом. Значит, то, что не является «самым новым» в актуальном опыте, хотя и есть в настоящем, но указывает на прошлое, которое не появляется, но и не исчезает совершенно, длясь в настоящем. Связность опыта обеспечивается именно тем, что наш опыт «переполнен настоящим», так что необходимо, если воспользоваться позднейшей терминологией Лумана, редуцировать этот избыток, относя часть настоящего к прошлому.

Всякое настоящее должно символизировать и реконструировать свое прошлое, прошлое появляется в перспективе каждого нового события в настоящем³⁷. Но это, пожалуй, — самый простой и очевидный аспект концепции Мид. Как отмечают авторы цитированной нами статьи о его теории прошлого, есть еще три аспекта, которые заслуживают внимания. Прежде всего, прошлое не только символизируется настоящим. Оно также *определяет* условия настоящего. События настоящего обусловлены событиями прошлого. Во-вторых, и это намного более существенно в контексте нашего изложения, прошлое выступает как «подразумеваемое объективное прошлое». «Время от времени Мид говорит о том, «что, *видимо*, было» (*what must have been*). Так, например, он заявляет: «Прошлое есть то, что, видимо, было, прежде чем оно есть настоящее в опыте как прошлое»... Он говорит не о том значении, какое прошлое имеет для настоящего. Скорее, он говорит о существовании предшествующих событий, предлагая ситуационную онтологию, которая относится к согласию относительно фактов

³⁶ Mead G.H. The nature of the past // John Coss (ed.). Essays in Honor of John Dewey. N.Y.: Henry Holt, 1929. P. 239. Цит. по: Maines D.R., Sugrue N.M., Katovich M.A. The Sociological Import of G.H. Mead's Theory of the Past // American Sociological Review. Vol. 48. No. 2 (Apr., 1983). P. 162.

³⁷ См.: Maines D. R. et al. Op.cit. P. 163.

прошлого. Какое-то событие должно было состояться, чтобы существовать в настоящем опыте как прошлое событие»³⁸. Наконец, последний аспект — это «мифическое прошлое», о котором, собственно, сам Мид не говорит, но которое предполагается его концепцией. Мифическое прошлое, говорят авторы, — это, скорее, *создание*, чем *воссоздание*, это прошлое, которое социально создается и которым социально манипулируют.

Этот последний аспект интерпретации Мида, конечно, напрашивается сам собой: прошлое является социальным конструктом, и это широко принятое представление мы *додумываем* за Мида, даже если оснований для этого его собственные тексты почти не дают. Между тем, куда важнее тот аспект, который авторы статьи о понятии прошлого у Мида характеризуют как «what *must have been*». Действительно, настоящее тройным образом свидетельствует о прошлом: (1) как следствие или результат — о причине или условии; (2) как означающее — об означаемом (социальная конструкция означающего есть лишь случай такого означивания); (3) как член логической конструкции, в которой другим членом является предполагаемое прошлое — what *must have been*. Случай (1) — это недвусмысленное каузальное отношение. Причина предшествует следствию, условия имеют место прежде, нежели наступает только в этих условиях возможный результат. Если бы предполагалось, что некие обстоятельства не предшествуют во времени другим, а сосуществуют с ними, это отношение, справедливо говорит Луман, не могло бы считаться каузальным. Но что значит «причина» или «условие» были в прошлом? Если их больше нет, т.е. они состоялись, но миновали, можно ли сказать, что это не случай (1), но случай (3)? — Все зависит от характера отношения. А. Данто показывает это на примере трех выражений. Если мы говорим «есть отец», то это, строго говоря, значит, что «мужчина должен приблизительно за девять месяцев до рождения ребенка оплодотворить мать этого ребенка. ...Когда мы правильно называем кого-то отцом в первичном смысле, то это логически предполагает ссылку на более раннее событие, которое каузально связано, согласно известным принципам, с настоящим»³⁹. Когда мы говорим «есть шрам», то этот предикат «однозначно ссылается на время». Можно быть отцом в социологическом смысле и не быть в биологическом, равно как и наоборот. Но шрам всегда причинен ранением; если нечто только «похоже на шрам», то ни в каком

³⁸ Ibid. P. 164. Цитата: Mead G.H. The nature of the past (см. сноску 36), p. 238.

³⁹ Данто А.С. Аналитическая философия истории / Пер. А. Л. Никифорова, О.В. Гавришиной / Под ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 75—76.

смысле шрамом оно не является⁴⁰. Наконец, выражение «есть пушка, поставленная здесь Франциском I после битвы при Керизоле в 1544 г.»⁴¹ правильно только в том случае, если имело место именно это событие: не кто-то просто поставил здесь пушку, она не была, скажем, брошена, но именно водружена, именно тогда-то и т.д.

С несомненными каузальными отношениями при правильной постановке вопроса нет особых проблем. «С горы скатившись, камень лег в долине. / Как он попал туда, никто не знает ныне. / Низвергся ль он с вершины сам собой / Иль сброшен был разумной рукой? / Столетье за столетьем пронеслося, / Еще никто не разрешил вопроса» (Ф. Тютчев). Несомненное каузальное отношение состоит, однако, в том, что «сам собой» в данном контексте значит не более, чем отсутствие «разумной руки». Некий импульс в сочетании с совокупностью условий (ветер, размывание грунта подземными водами, толчок землетрясения — а равно и толчок разумной руки или столь же разумной ноги) должен был состояться, чтобы камень упал. Но кроме этой каузальной связи (менее определенно или более определенно выраженной, как в примерах, соответственно, с отцом и с пушкой у Данто), есть каузальная связь, подразумеваемая самым общим образом, но логически не менее важная. «Есть шрам» значит «было нанесено ранение». Настоящее логически необходимым образом указывает на прошлое. Это прошлое, логически необходимым образом предполагаемое суждениями о настоящем. Благодаря логической необходимости определяется пространство возможностей what *must have been*: это возможности совершения события ранения, оставляющего шрам. Не какого-то определенно-го события в определенном месте, в определенное время, «разумной рукой» или «слепыми силами природы», но именно в самом общем смысле: если есть шрам, было событие ранения.

Но это позволяет нам сделать следующий шаг. То, что мы зафиксировали в предыдущем рассуждении, — это логическое устройство последовательности событий. Можем ли мы точно так же аргументировать применительно к логическому устройству самого события? Все говорит в пользу этого утверждения. Ведь мы теперь утверждаем не то, что отдельные аспекты события при определенном повороте внимания сами могут рассматриваться как события. Это, конечно, так, но это было ясно уже Зиммелю, и мы отказались основываться на характеристиках внимания

⁴⁰ См.: Там же. С. 76.

⁴¹ Там же. С. 75.

как основном идентификаторе события. Вопрос теперь состоит в том, можем ли мы говорить о начале и завершении события, не отказываясь от его атомарности, не ставя даже вопрос о желательном или допустимом «пороге измельчения» и не превращая аспекты события в некие подобытия событий. Ответ: да, можем. Логическое устройство события и логическое устройство последовательности событий суть одно и то же. Иначе говоря, мы не аспекты события «возводим» в ранг квазисобытия, но отдельные события в последовательности событий «низводим» до значения все тех же «аспектов последовательности». Но здесь нужны существенные уточнения. «Есть шрам» значит, что было событие ранения и было событие заживления раны, этот шрам оставившей. «Есть шрам» значит «есть причина и есть следствие». Но можно смотреть и по-другому: есть событие «оставившая шрам рана». И в том, и в другом случае, говоря о шраме, мы подразумеваем прошлое. Но в одном случае это прошлое есть отдельное событие, ставшее причиной шрама, а в другом — логическое развертывание выражения «есть шрам». В обоих случаях это прошлое того рода, который обозначается «what *must have been*», потому что прослеживание строгой каузальной связи предполагало бы совсем иные вопросы. Логическое устройство события не является его онтологическим качеством. Оно коррелятивно наблюдению, причем не индивидуальному, но социальному практическому использованию различений, которое, однако, не может не быть до известной степени изоморфно самому устройству мира, поскольку он является постижимым для нас миром. Так, логическое устройство различения, выраженное в идентификации объекта «шрам», предполагает социальное согласие относительно того, что может называться шрамом и какие события или, при определенном повороте внимания, какие аспекты единого события должны предполагаться, если это выражение имеет смысл для множества наблюдателей. Однако это социальное согласие не затрагивает того обстоятельства, что некие объекты в настоящем *не могут не свидетельствовать о событиях прошлого*, а принятые квалификации этих объектов, будь то шрам или отцовство, не могут не предполагать определенный характер этих событий, хотя их точное обозначение может быть предметом разногласий. Вопросы «когда могла быть нанесена рана, после которой остался шрам?», «кто именно был отцом ребенка?» и т.п. суть те самые вопросы, которые ориентируют нас на поиск строгой каузальной связи. Но сам характер этих вопросов столь отчетливо социален, что любые дополнительные соображения о произволь-

но или произвольно сконцентрированном внимании наблюдателя приобретают не более чем побочный интерес.

Вовлеченность наблюдателя может сопровождаться квалификациями объектов без экспликации логического устройства этих квалификаций. Прекращение вовлеченности может сопровождаться экспликацией логического устройства предполагающих событие квалификаций объектов, т.е. либо вниманием к одному плохо очерченному, хотя и явно завершеному событию («когда-то была нанесена рана, и остался видимый теперь шрам»), либо вниманием к последовательности событий («в начале прошлого месяца была нанесена рана, перевязки продолжались три недели, последнюю повязку сняли неделю назад, но до сих пор виден шрам»). Переключение с логического устройства события (т.е., как мы видели, квалификации объекта, который имплицитно подразумевает событие как *what must have been*) на последовательность событий может происходить, разумеется, и благодаря произвольному переключению внимания. Однако, повторим еще раз, это не представляет здесь никакого интереса. Совсем иное дело, когда такое переключение происходит в сообществе наблюдателей (которые, как мы видели, суть те же участники взаимодействия, поскольку они расстаются со своей вовлеченностью в ход дел и рефлектируют, со стороны событийной, логическое устройство релевантных объектов). Ведь событие, перед которым также было событие, т.е. событие, относительно которого есть уверенность не только по поводу его завершения, но и по поводу его начала, иначе говоря, полноценное, атомарное событие является для данного сообщества наблюдателей *событием абсолютным*. Абсолютное событие конституируется двояким образом: (1) в силу квалификации объекта, имплицитно подразумевающей событие (поскольку иначе эти квалификации теряют смысл в данном коммуникативном сообществе); (2) в силу экспликации абсолютного события первого рода как события, предшествующего некоторому событию, если и только если оба эти события плотно прилегают друг к другу в пределах одного событийного ряда и общей хронологии. Но характеристики этой хронологии могут быть весьма различны. Об одном из предельных случаев рассказывает антрополог Эдвард Холл: «Обитатели атолла Трук (Truk) в юго-западной части Тихого Океана обращаются со временем так, что это усложняет жизнь и им самим, и другим... Время на Труке не лечит! Прошлые события все более весомым бременем наваливаются на труканцев и отягощают собой настоящее. По сути дела, они рассматриваются так, будто только что произошли. ...Хотя островитяне влечат на своих плечах груз накопленного прошлого, они демонстриру-

ют почти полную неспособность к пониманию того, что два события могут происходить в одно и то же время, если они совершаются на некотором удалении друг от друга»⁴². Холл рассказывает о нескольких примечательных случаях. Например, однажды местный житель, «задыхаясь от спешки», сообщил представителю военного (американского) командования о только что совершенном убийстве и о том, что убийца «разгуливает на свободе». Из дальнейших расспросов выяснилось, что жертва «крутила» с женой убийцы, а само событие произошло не несколько часов или дней, но семнадцать лет назад. И это — обычное дело, говорит Холл. Некое нарушение могло совершиться давным-давно, но годы спустя о нем могли начать размышлять как о свежей обиде и прийти к мнению, что дело так и не урегулировано.

Антропологические описания такого рода любопытны не просто в том отношении, что хронологически плотное прилегание событий может по-разному конструироваться в разных социальных обстоятельствах (к сожалению, у Холла мы ничего не узнаем именно об обстоятельствах и социальных резонах такой хронологии). Гораздо важнее то, что, несмотря на в высшей степени экстравагантный, с нашей точки зрения, способ обращения со временем, труканцы, какими нам показывает их Холл, мало чем отличаются от нас в смысле экспликации логического устройства события. В самом деле. Даже если мы введены в заблуждение характером вовлеченности наблюдателя, говорящего о давних событиях как только что свершившихся, это не отменяет того, что событие убийства есть звено в цепи событий: флирт — месть (убийство) — безнаказанность («свободно разгуливает») — донесение. Ни одно из событий в этой цепочке невозможно поменять местом с другим. Допустим, что события преступления не было бы, т.е. донесение было бы ложным. Это никак не повлияло бы на общую конструкцию цепочки событий, но только имело бы значение в отношении эмпирического референта какого-либо из ее звеньев («убийства не было», «флирта не было», «убийца не разгуливает на свободе»). А это значит, что, при всей культурной относительности хронологии, отдельные цепочки событий, сконструированные по типу *what must have been* логического устройства события, обладают высокой степенью устойчивости. В этой конструкции между ними нет хронологических пустот, мест возможных, но не свершившихся событий, видимых наблюдателю с точки зрения иной хронологии. Подобно тому, как *начало* и *конец* (а равно и другие ре-

⁴² Hall E.T. *The Silent Language*. N.Y.: Anchor Books, 1990. P. 14, 15—16.

levantные для его квалификации как такового) этапы события нельзя поменять местами, цепочка событий предполагает необходимую связь между звеньями. А это, в свою очередь, означает, что — какова ни была бы применяемая в данном обществе и культуре хронология — одни события могут (хотя и не обязательно должны) быть не просто ближе всего к наблюдателю, а, так сказать, находиться на пороге вовлеченности, другие же необходимым образом оказываются более или менее удаленным прошлым. Но общества и культуры (если только пользоваться этими терминами чисто технически) различаются между собой также и тем, насколько протяженны могут быть в них цепочки событий, как они соотносятся между собой и с принятой хронологией.

При экспликации понятия элементарного события мы пришли к положению о множественности событий и множественности наблюдателей как конститутивном условии события, что на элементарном уровне сопровождается квалификацией одного и того же события как прошлого, настоящего и будущего. Но это — с чисто логической точки зрения. Практически дело обстоит не так, что один из участников взаимодействия всегда только ожидает результата своих действий, направленных на другого, и, предвидя реакцию другого (будущую), рефлектируя свершенное действие (прошлое), идентифицирует событие действия как настоящее. Практически дело обстоит и не так, что, поскольку при минимум двух участниках взаимодействия, каждый из которых есть «другой» для своего партнера, синхронизация является только делом третьего, а именно, наблюдателя. То, что было выше сказано об этих обстоятельствах, сохраняет свою силу, но применительно к логике анализа события. Мы исследовали ее на уровне предельной идеализации. Практически же нам хорошо известно, что, подобно тому, как разные органы чувств поставляют мозгу разную информацию, которая складывается у нормального человека в целостную картину окружающего мира, так и логически неизбежно различные позиции участников взаимодействия отнюдь не влекут за собой появление «отдельно стоящего» наблюдателя, выносящего вердикт об одновременности или разновременности событий. Предельная идеализация, однако, вовсе не чужда хорошо знакомой нам реальности нашего⁴³ повседневного мира. Именно поэтому мы сразу указываем, что наблюдение — это одна из воз-

⁴³ Говоря «нашего», мы имеем в виду далее не расшифровываемую общность автора и читателя, без молчаливого представления о которой вообще невозможно теоретико-социологическое изложение.

можных позиций участника, означающая, между прочим, прекращение его вовлеченности в ход взаимодействия. Это прекращение вовлеченности отнюдь не означает, однако, совершенную дистанцированность, то объективирующее пребывание сразу вне и внутри группы (что отличает от просто участника *чужака*, будь то в интерпретации Зиммеля или Шюца). Участник становится наблюдателем в меру того, как рефлексивно осмысливает свое поведение и свои мотивы, вырываясь, прежде всего, из потока самоочевидностей («das fraglos Gegebene», «taken for granted», как говорит Шюц) самого фундаментального свойства, из того непрерывного изменения, которое становится для нас цепью событий лишь при особой направленности внимания. Но самоочевидное есть не только на этом фундаментальном уровне, представляющем интерес более для философа, чем для социолога. Для социологии, если следовать в этой части рассуждений феноменологической традиции, таков и мир повседневности, а также все прочие множественные социальные миры. Пребывание в потоке фундаментальных самоочевидностей и способность наблюдения событий противоположны друг другу, но невозможны друг без друга. Самоочевидности — это фон и фильтр наблюдения событий. События разрывают, как говорил Мид (см. выше), непрерывность течения самоочевидностей и тем делают ее осмысленной и возможной. Поэтому практически, несмотря на логическую необходимость существенных различий в позиции участников-наблюдателей, даже если их всего двое, они апеллируют к *одному и тому же* миру, видеть который не могут иначе, чем *совершенно по-разному*. Однако у них, говорит Шюц, имеется общая *структура релевантностей*, и они исходят из молчаливо принимаемого положения о взаимности перспектив. Иначе говоря, каждый участник взаимодействия, если бы он стал на позицию другого, увидел бы то, что видит этот другой. Так это или не так — в реальности не важно, потому что в реальности они считают самоочевидным, что вокруг них один и тот же мир, тот же самый для обоих. И видят они, т.е. вычленивают из этого мира, одни и те же значимые вещи, ибо не видят, как сказал бы Луман, того, что именно они не видят: социальной конструкции социальной реальности. Эта общность участников есть общность вовлеченности, но также и общность принципов наблюдения значимых событий. Таким образом, логически необходимое дистанцирование хотя бы одного из участников, позиция наблюдателя, может быть определена как один из аспектов любого взаимодействия. Одновременность самоотжествленного, того, что, логически рассуждая, должно было бы восприниматься разными участниками как разновременное, есть

не простой факт, но результат *синхронизации*, синхронизация же является не результатом деятельности стороннего наблюдателя⁴⁴, но продуктом сообщества наблюдателей, которое, в основном, совпадает с сообществом участников взаимодействия⁴⁵.

Характеризуя множество участников взаимодействия как *сообщество*, мы совершаем важный теоретический выбор. Допустим, что сообщество мы понимаем как *Gemeinschaft*. Тогда это не просто группа или совокупность участников взаимодействия. *Gemeinschaft* отличается высокой степенью вовлеченности всех его членов, сравнительно малой готовностью каждого из них объективировать свои мотивы и действия, занимать позицию совершенно обособленного наблюдателя. Правда, такой *Gemeinschaft*, каким его описывает Фердинанд Тённис⁴⁶, вряд ли когда-либо существовал в действительности. Это идеальный тип наивысшей вовлеченности не только одного действующего, но именно совокупности действующих и взаимодействующих, причем не просто в течение дел, но именно в общие, коллективные дела. Следствием вовлеченности является проблематичность внятного вычленения событий. В идеальном *Gemeinschaft* не может быть сконструировано представление о цепочке атомарных событий, однако здесь, как мы сейчас увидим, жива память об учредительных (сакральных) событиях, т.е. абсолютных событиях первого рода. Феномен *памяти*, во всяком случае с точки зрения социолога, как раз и означает «живую вовлеченность», которая противостоит отстраненной *репрезентации* отчетливо очерченных событий⁴⁷. Память не только удерживает случившееся, она фиксирует его именно как прошлое, потому что любое социальное взаимодействие предполагает некоторый минимальный уровень вменения. Как говорил Шюц, «для-того-чтобы-мотивы» одного участника должны стать «потому-что-мотивами» другого. Иначе говоря, один действующий, поскольку он имеет в виду действия другого, строит проект действия таким образом, что предвосхищает будущее (будущее действие

⁴⁴ Точнее говоря, она может быть и результатом деятельности стороннего наблюдателя. Но тогда необходимо принимать в расчет усвоение этой синхронизации участниками взаимодействия.

⁴⁵ О принципиальной разнице одновременности и синхронизации см. Luhmann N. Gleichzeitigkeit und Synchronisierung // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 5. Op. cit.

⁴⁶ См.: Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. 8. Aufl. Leipzig, 1935. В русском переводе: Тённис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2003.

⁴⁷ Этот социологический взгляд отстаивал, как известно, М. Хальбвакс. См. на русском языке подробный анализ его подхода в связи с разработкой более дифференцированной концепции памяти: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 191—228.

другого в ответ на его собственное действие, которое вот-вот состоится). Но тем самым он проектирует будущее в модусе *futuri exacti*, точное будущее, в котором одно событие предшествует другому. И точно так же свои собственные действия у него имеют основанием то, что было в прошлом: действия другого. Здесь еще не уточняется, в какой мере рефлектируются эти воспоминания и эти планы, насколько отчетливо прописан индивидуальный характер действий и мотивов для каждого участника. Можно предположить, что все это крайне размыто в *Gemeinschaft*'е. И все-таки некоторый минимальный уровень взаимного вменения оснований действия позволяет не просто реагировать на настоящее событие, но рассматривать его как следствие намерения, предшествовавшего действию, т.е. предполагать намерение (или иное основание, например, характер ситуации) как этап события действия. Память о прошлых действиях может быть более или менее устойчивой, избирательной, дифференцированной, но она необходима для взаимодействия. Мера этой избирательности, устойчивости и дифференцированности определяется характером сообществ и ситуаций. Так, мы можем обнаруживать, например, в традиционных обществах устойчивую память о прошлых обидах в сочетании с полным забвением обстоятельств — как этим обидам предшествовавших, так и за ними последовавших. Здесь есть вменение действия, и память о его результате. Но длинные дифференцированные цепочки событий здесь отсутствуют, так что обида рассматривается как абсолютное, бесосновное событие, учреждающее вражду.

Представим себе возможные аспекты отношения к событию в *Gemeinschaft*'е как последовательное усиление момента рефлексии. *Первая ступень*: минимальный уровень индивидуальной саморефлексии, почти полная поглощенность ходом дел, самые узкие горизонты памяти и предвидения. *Вторая ступень*: минимальный уровень социальной рефлексии, память участников взаимодействия, вовлеченных в свой *Gemeinschaft*, ограничена событиями, оперативно необходимыми для вменения и ожидания, без которых невозможна социальная жизнь. *Третья ступень*: более высокий уровень как индивидуальной, так и социальной рефлексии, память используется не только как наличный, но и как поддающийся расширению ресурс, вовлеченность в ход дел сопровождается стремлением зафиксировать устойчивые позиции самой социальной жизни, нечто постоянное и постоянно значимое, с чем так или иначе соотносятся текущие дела. Так появляется *прошлое* в более точном смысле слова: не просто предшествующее, но то, что пребывает в настоящем в модусе прошлого, востребует эмо-

ционального отношения, не поддается воздействию, но значимо как источник, сколь бы то ни было отдаленный, настоящих событий. Память о прошлом здесь означает, что эмоциональная вовлеченность выходит за пределы актуального контекста взаимодействий, а в отношении участников к течению дел дифференциация того, что актуально проживается ими, и того, что как *what must have been* (имплицированный настоящим предшествующий этап) дополняется дифференциацией вполне свершившегося, т.е. прошлого, и того, что в цепочке действий и взаимодействий сохраняет актуальность настоящего. Такую память мы можем, пользуясь компьютерной терминологией в чисто техническом смысле, назвать *оперативной* памятью. *Четвертая ступень*: повышенный уровень рефлексии, стратегическое распоряжение памятью. Мы уже видели, что прямой связи между памятью, объемлющей хронологию и тематизацией цепочек событий в коммуникации нет. Память есть приписывание явлениям настоящего некоторого дополнительного значения. Они свидетельствуют о прошлом, отсылают к прошлому, причем, повторим еще раз, не тому прошлому, которое неотделимо от любого осмысления текущего положения дел, но прошлому, которое противоположно «синхронизированному», социально согласованному как одновременное настоящему. Но память имеет значение не только и не столько «информационного» ресурса. Она надстраивается над личной вовлеченностью в ход событий, она мобилизует не только внимание, но и живое сопереживание, обнаруживая не только прошлое в настоящем, но и актуальное значение прошлого. Таким образом, настоящее, актуально присутствующее, приобретает несколько смысловых изменений. Некий рассказ звучит в настоящем, или некий памятник есть в настоящем. Но они отсылают к прошлому, которое, однако, столь актуально для настоящего, что вызывает (или притязает вызвать) живое переживание прошлого, которое есть только в настоящем и доступно как смысл настоящего. В этом качестве память напрямую не зависит от хронологии. *Политика памяти*, о которой так охотно говорят в последнее время, направлена на то, чтобы обеспечить вовлеченность действующих по отношению к событиям давним или вовсе легендарным. Это возможно, поскольку в социальной жизни не только не исчезает, но вновь и вновь демонстрирует свое непреходящее значение *Gemeinschaft*. Это возможно потому, что *оперативная память* имеет дело с ограниченными цепочками слабо дифференцированных событий. Когда тематизированы длинные и многообразные цепочки событий, политика памяти лишается простора. События могут принадлежать разным цепочкам, в каждой из которых занимают необходимое

место, будучи составляющими условий, связей причин и следствий и т.п. При этом принадлежность к нескольким цепочкам означает, что если поставить под сомнение одну или несколько из них, событие тем самым еще не будет релятивировано. Но стратегическое распоряжение памятью выводит ее за рамки актуального опыта. Память трансцендирует течение коммуникации, обстоятельства дел не выводят на нее непосредственно. Это социальная память, и поскольку она такова, это именно конститутивный момент *Gemeinschaft*'а, который помнит не только прошлое происходящих событий, но и абсолютные события: учредительные события *Gemeinschaft*'а, сакральные (вполне легендарные) и сакрализованные (возведенные в статус сакральных реальные) события. Опыт взаимодействий задерживается в памяти индивида настолько, насколько это нужно для оперативного проектирования действий, для ссылок на то, что было прежде, для аргументов, расчетов, ожиданий. Простое повторение одного и того же не придает событиям статус памятного прошлого. Социальная память есть тематизация в модусе значимого прошлого присутствующих в актуальном взаимодействии моментов, которые указывают на прошедшее, но мотивируют, вовлекают, парализуют рефлексиию как актуальное настоящее. Абсолютные события возникновения сообщества, обстоятельства истории его мифических предков и прочее в том же роде, с одной стороны, фиксируются как прошлое, абсолютный исток и точка отсчета (*ab urbe condita*), а с другой стороны суть вечное настоящее, каким его рисует, например, Цицерон в «Сновидении Сципиона»⁴⁸.

Память — и как «хранилище сведений», и как способность к эмоциональной вовлеченности — представляет собой ресурс довольно ограниченный. Вот почему она нуждается в специальной технике, позволяющей увеличивать как индивидуальный, так и социальный ресурс. Увеличение ресурса не меняет самой природы феномена, столь же необходимого для социальных взаимодействий, сколь и недостаточного для выстраивания длинных дифференцированных цепочек событий, связанных с универсальной или хотя бы ограниченной, но объемлющей хронологией. Чем

⁴⁸ Ср.: «...Все тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство. Ибо ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром, — во всяком случае всем происходящим на земле, как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые государствами; их правители и охранители, отсюда отправившись, сюда же и возвращаются.» (Цицерон. О государстве. Кн. VI, XIII, 13. Цит. по: Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1966. С. 83. Курсив мой — А. Ф.).

меньше длинных цепочек событий, которые пересекаются между собой, тем больше значение оперативной памяти, которая в принципе, при любом увеличении радиуса действия и надежности, не может стать памятью о сакральном или учредительном событии. Точно так же память о мифических событиях лишена оперативного значения в том смысле, что не позволяет распорядиться актуальной хронологией. Знание о том, что посев предшествовал сбору урожая, а большое наводнение было три урожая назад, не поможет установить, когда именно хитрый кенгуру украл черное яйцо великой черепахи у доверчивого попугая. Мало того, это последнее, абсолютное и сакральное событие не поможет установить, было ли большое наводнение три, четыре или пять урожаев назад. Тем важнее повторение сакрального события в ритуале, регулярная реактуализация, придание ему статуса полного настоящего, с наивысшей вовлеченностью членов *Gemeinschaft*'а.

Прямо противоположным образом конституируется прошлое в ситуации, которая предполагает взаимное дистанцирование действующих, возможность постоянно становиться на позицию наблюдателя. Такое рефлексивное отношение к собственному поведению Э. Гидденс называет «*reflexive monitoring of action*»: мы не просто вовлечены в процесс, мы оцениваем его результаты, сопоставляем со своими намерениями и модифицируем дальнейшие действия. Конечно, обособленность действующих-наблюдателей не стоит преувеличивать. Подобно тому как не существует идеальной ситуации, в которой действующие, будучи полностью вовлечены в процесс взаимодействия, передоверяют наблюдение и синхронизацию специальным наблюдателям, подобно тому, как не существует совершенных *Gemeinschaft*'ов, так не существует и такого полного обособления, при котором каждый участник взаимодействия может полностью отрешиться от происходящего и выступить исключительно в роли наблюдателя. Речь идет о сложном, изменчивом, меняющемся от одной социальной ситуации к другой соотношении вовлеченности и дистанцированности, которому на уровне базовых социологических категорий соответствует пара «действие (взаимодействие)/наблюдение». Иначе говоря, это тоже идеализация, причем столь же базовая, как идеализация «*Gemeinschaft*». Но именно к ней в наибольшей мере применимы те характеристики, которые мы давали выше наблюдению элементарного события. Чтобы *такого* рода наблюдение было возможно, необходимо преодолеть *Gemeinschaft* участников и сконструировать сообщество наблюдателей, которые имеют дело с собственными действиями. Здесь прошлое оказывается необходимым условием консистентности системы. Это означает, примерно, следующее.

Допустим, что в некий момент времени t_1 наблюдатель I1 фиксирует событие a_1 . Как мы уже показали, это событие (за исключением несколько иначе устроенных абсолютных событий первого рода, т.е. событий рождения и смерти, сакральных и учредительных событий) предполагает: (1) внутреннюю дифференцированность на последовательные этапы, соотносительно своему логическому устройству, (2) включенность в ряд однородных ему событий, зафиксированных посредством тех же различий, и (3) своеобразную уникальность, связанную с тем, что именно в данный момент времени оно было зафиксировано данным наблюдателем. То же самое можно сказать о моменте времени t_2 , когда наблюдатель I2 фиксирует событие a_2 . Если эти наблюдатели суть участники элементарного (диадического) взаимодействия и если наблюдаемые ими события суть события действия другого участника, то, как мы видели, t_2 может быть равно t_1 , т.е. a_2 может происходить одновременно с a_1 . Эта одновременность не дана как таковая ни одному из участников, она является результатом социальной синхронизации, которая опять-таки в предельном случае диадического взаимодействия вменяется третьему наблюдателю⁴⁹. То, что идентифицируется одним из них как настоящее, и то, что идентифицируется другим как прошлое, идентифицируется третьим как одновременное. Это одновременное имеет логическое устройство. Логическое устройство предполагает, что у события есть начало и завершение и что началу нечто предшествовало. Предшествующее было пред-событием, его не могло не быть, оно есть *what must have been*, в зависимости от характера используемых различий, это начальный этап события или пред-событие. Поскольку синхронизация носит социальный характер, она принимается обоими участниками⁵⁰, но тогда и логическое устройство данного события, и то, что было пред-событием по отношению к фиксированным как одновременные событиям (или одно событие, хотя и увиденное с разных сторон), должны быть согласованным образом идентифицированы. Точно так же и наоборот: фиксированная разновременность позволяет обоим участникам увидеть подлинную (с социально согласованной точки зрения) последовательность событий. Тогда

⁴⁹ Возможность стать на эту позицию есть у любого участника, но это предполагает, что взаимодействие прошло уже два этапа: этап действий и наблюдений обоих участников и этап рефлексии по поводу обоих действий со стороны хотя бы одного из них.

⁵⁰ Для этого существуют многообразные социальные устройства, будь то решение судьи с секундомером, предложение «сверить часы» или транслируемые на всю страну «сигналы точного времени».

действие a_2 , которое зафиксировано наблюдателем I2, следует за действием a_1 , которое зафиксировано наблюдателем I2, и момент времени t_2 следует за моментом t_1 . Но поскольку эти моменты времени идентифицированы как таковые только в системе отсчета «наблюдатель – момент – событие», социальное согласование лишает их специфичности, уникальности, означающей, что событием момент времени выделен как особый, единственный. Логическое устройство события a_2 таково, что ему должно было предшествовать нечто вроде события a_1 , и *такого рода* событие действительно наблюдалось, хотя могло наблюдаться иное событие того же рода (как, например, мы не знаем, что подтолкнуло камень к падению, но должен был быть импульс, толчок или потеря опоры).

Тематизация пред-события, события перед событием, делает исходное в ряду наблюдений событие абсолютным событием второго рода, т.е. абсолютным в данной цепочке событий и при данном использовании различий: оно кончилось, когда прекратилась вовлеченность действующего, оно началось, когда кончилось пред-событие. Оно уже состоялось, но всеми принято, что оно есть настоящее, когда бы ни зафиксировал его каждый из наблюдателей *на самом деле*. И так же принято, что у него есть пред-событие, которое принадлежит к роду того, что могло случиться. Оно фиксировано как случившееся. Оно есть то, к чему отсылает настоящее. Без него непонятно логическое устройство последующего (исходного для нас) события. Вместе с тем, если на нем замыкается цепочка событий, это делает неудовлетворительным и вычленение того события, которое только что, казалось бы, обрело статус абсолютного, несомненного в социальном смысле события-в-настоящем. Ибо пред-событие тоже должно иметь логическое устройство. В противном случае оно не однородно ближайшему к нам событию и не может, по сути дела, его ограничивать. Пред-событию предшествует пред-пред-событие. И так далее. Насколько далеко будет проследиваться эта цепочка? Настолько, насколько это необходимо и возможно для идентификации релевантных событий. Так, например (хотя это и предполагает сложный социальный контекст) есть срок давности для преступлений и срок годности для продуктов. Если срок истек, нам не важно, что было *до* того: была ли совершена кража, правильно ли готовился и хранился продукт. Иначе говоря, все далее отстоящие от нас события не просто относятся к области *what must have been*. Они тематизируются, фиксируются как то, что не просто могло и должно было случиться, но что действительно случилось и что при этом релевантно в цепочке событий вплоть до наблюдаемого настоящего. Прошлое делится на

область внятно тематизированных событий (в меру имеющихся в коммуникации ресурсов) и область событий возможных и должных состояться, чтобы состоялись тематизируемые события.

Но и это еще не все. При увеличении количества действующих и наблюдающих картина усложняется. Ведь каждое событие может быть включено в несколько цепочек событий. Это повышает его независимость от различий индивидуального наблюдателя, но это же и расширяет тематическое поле *what must have been*. И уже в этом поле социально согласованным образом фиксируются не просто действительно бывшие, но социально релевантные среди действительно бывших событий. Наконец, *практически* ни один из участников взаимодействия не может рассматриваться только как «холодный наблюдатель». Релевантные события могут быть релевантны не только для холодного наблюдения. Событие отсылает к некоторому прошлому событию, выбранному из цепочек предшествующих событий как релевантное прошлое. Релевантное значит пригодное для включения в ту цепочку событий, в которой прошлое каузально связано с настоящим, а настоящее так же каузально связано с ожидаемым будущим. Оперативно необходимое *знание* о прошлых событиях в реальности социальной жизни переплетено как с оперативной, так и со стратегической *памятью*. Без сопряжения событий в цепочки, где одно предшествует другому, невозможно фиксировать события. Без помещения их в разные цепочки невозможно понимание каузальных связей. Но характер различий, используемых для вычленения цепочек событий, может быть самым разным. И, в зависимости от характера ситуации, то и дело память заступает место знаний, а знания — место памяти. Логическая чистота событий остается делом логики. Комбинация вовлеченности и отстраненности, действия и наблюдения, знания и памяти может быть делом как историка, так и социолога.

ПРЕПРИНТЫ ИГИТИ ГУ ВШЭ

Серия WP6 “Гуманитарные исследования ИГИТИ”

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции “прошлого”: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры (“прошлого”). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. Никс Н.Н. “Велик и благороден труд профессора” (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

Препринт WP6/2004/05
Серия WP6
Гуманитарные исследования ИГИТИ

Редактор серии *И.М. Савельева*

Филиппов Александр Фридрихович

**Конструирование прошлого в процессе коммуникации:
теоретическая логика социологического подхода**

Публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией *Е.В. Попова*
Корректор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Е.В. Попова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,25. Усл. печ. л. 3,26. Заказ № 243. Изд. № 454.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3